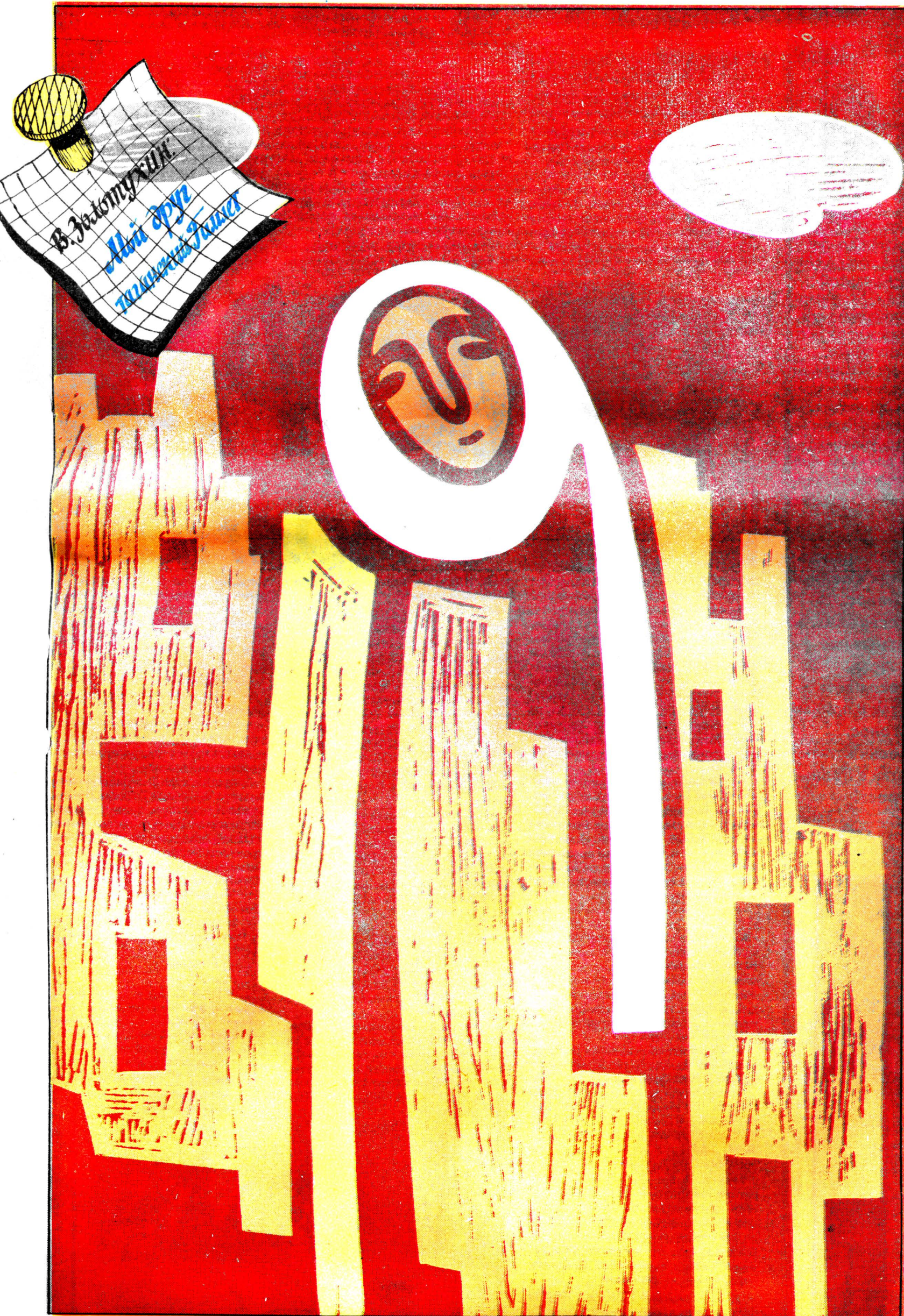

Парадиз

91
№ 17

ВСЕРОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

В. Яковлев
Мой друг
Полный рост

перво ИСТОЧНИК

В полный рост
Советский сон

ВК!

Ермиль-Шифриница
Сеанс психотерапии

гамбургский СЧЕТ

Золотой Эон
Секрет без Максими

Ю. Р. Инвалид войны.

Он старше меня года на три. Но в журналистику оба пришли почти одновременно. Только он начал сразу в «Комсомольской правде», а я — в далекой районке. Многие (в том числе и я!) пытались подражать Юрию Росту, копировали его работы, но он оставался и по-прежнему остается недосягаемым, неповторимым... Я сижу в небольшом кабинете на четвертом этаже «Литературки». Здесь творят два Юрия: Рост и Щекочихин. Осматриваюсь: на столах кучи бумаг, гранки, папки. Рядом — кофеварка, пачка вермишели, упаковка эпоксидного клея, ледоруб. А в углу стоит нижняя половина старого женского манекена...
Богема!

— Пойдем в лабораторию, все равно здесь толком не поговорим, — приглашает Рост, и мы поднимаемся двумя этажами выше. Все стены в портретах — знакомых и незнакомых людей. Многие снимки встречал на страницах газет, некоторые вижу впервые...

— Доводилось читать (кажется, в «Журналисте»), что существует теория Юрия Рост: журналисты, впрочем, как и все люди, делятся на две категории — акул и раков-отшельников. Ты по-прежнему относишь себя к последним?

— Эта зоологическая терминология, конечно же, довольно приблизительна. Потому что в каждом человеке, в каждом журналисте есть что-то и от акулы, и от рака-отшельника. Мне кажется, что время иногда диктует и поведение человека. Еще со старых времен говорилось: журналиста ноги кормят. Но это, когда обстановка в обществе — что тебе вода стоячая. А сейчас такой бурный поток политических страстей, столько идет всякой информации... Впрочем, раком-отшельником становишься и оттого, что с возрастом теряешь подвижность. Ведь что такое старение? Это потеря двигательных функций.

— Неужели ты уже причислил себя к старикам?

— Нет, я не ощущаю пока возраста. Но сумма впечатлений складывается, и она создает какой-то груз, к которому можно обращаться, с ним можно сверяться. Это не гиря, это мешок, и в этом мешке масса воспоминаний, сложностей — довольно тяжелых. И вот иногда из этого мешка что-то достаешь и прикладываешь к нынешней ситуации. Поскольку сама информация да и все интересные люди движутся вне закона, то, наверное, лучше стоять на месте и ждать, что кто-то подгребет...

— Юрий Рост известен миру и как пишущий, и как фотографирующий журналист. Все-таки чему он отдает приоритет в своем необычном жанре?

— Я не могу что-либо выделить. Для меня важным является сам исходный материал. Иногда фотография является первичной, и от нее начинается движение мысли. А иногда фотография выступает в качестве иллюстрации материала и носит вспомогательный характер. Фотография позволяет мне лучше запоминать, потому что

память у меня не очень, а зрительная — хорошая. Фотография — как бы своеобразный блокнот. С другой стороны, собирание материала для очерка помогает мне лучше понять человека, и тогда знаю, как его снимать. Таким образом, фотография — это точка опоры для текста.

А если говорить, что больше доставляет удовольствие — фотография или текст, то фотография как достижение немедленного результата, конечно, незаменима. Ты можешь снять, сразу проявить, напечатать. В этом существует определенное обаяние. А с другой стороны, иногда текст живет дольше, и после публикации такого текста, если он удачен, реакция более глубокая и длительная.

«Он погибал и возрождался, и опять погибал, и вновь возрождался. Но после его гибели и пропаж оставались фильмы, которые жили и без него, определяя новые (в каждом фильме новые) направления эстетического восприятия мира...»

«Рука на сердце» (о Сергее Параджанове. «ЛГ», 12.04.89).

— У тебя много друзей?

— Очень много. Причем не просто друзей, а близких друзей. Раньше, когда затевались разговоры на эту тему, я заявлял, что считаю себя профессиональным другом, а работа — это мое хобби, потому что она мешает

Если цвель — так в полный колос, если взмьть — так выше звезд, если петь — так в полный голос, если встать — так в полный рост!

Евгений ЕВТУШЕНКО.

дружбе. Количество друзей нарастает с годами, правда, некоторых я уже потерял — это горькие потери. Но странно, это можно сравнить с другим образом — выпивкой: выпить еще можем хорошо, а вот прийти в себя на другой день становится все сложнее. Вот и здесь то же самое: друзей становится больше, но и для друзей требуется все больше усилий. Поэтому не стремишься искусственно увеличивать число друзей. В нынешнем возрасте стараешься лучше сохранить то, что есть.

— По моим наблюдениям, журналист Юрий Рост первым публично назвал то, что делает журналист Александр Невзоров, динизмом. Речь идет об однокорневой сенсации, которую преподносит телезрителям программа «300 секунд». Это мнение не изменилось в связи с последними высказываниями Невзорова?

— Нет. Мне приятно, что ты эти слова запомнил. Это интервью я давал «Журналисту» давно, в период всеобщей влюбленности в Невзорова. И поэтому ценность этих слов заключается во времени. А сейчас я могу присоединиться к массе достойных людей, которые самыми разными негативными словами характеризуют работу этого человека.

— И все-таки рискнешь ли ты предположить дальнейшую творческую судьбу журналиста Невзорова?

— Мне кажется, что его судьба уже состоялась. Ничего больше он не добавит. Знаешь, в чем дело? Литературный русский язык чем богат? Возможностями, причем беспредельными. Он постоянно обогащается и никогда не оскудеет. А вот возможности мата, ругани ограничены. Можно перечислить фактически все ругательства, можно построить их в разном порядке, но они не выйдут за рамки этого круга. Вот я и думаю, что журналистика, которой сейчас занимается Невзоров, находится на уровне мата.

«День Победы — для миллионов людей-счастливого рубеж окончания невероятных испытаний —

для детей войны стал началом страданий и горя. Мой отец, вернувшийся на костылях, не смог посадить меня на плечи, как Борькин, но я мог идти рядом с ним, а Валька со своим не мог. Мы начали сражаться».

«Дети после Победы». «ЛГ» (8.05.91).

— Доводилось ли тебе испытывать чувство стыда за написанное? — Стараюсь писать честно, чтобы обеспечить себе спокойный сон. Я в этом смысле эгоист: я хочу жить нормально, работать честно и выполнять то, что я делаю, на том уровне, который мне отведен судьбой, Богом, природой. Поэтому я не могу сказать, что я за что-то расплачиваюсь.

Если у меня какие-либо неприятности были или есть из-за материалов, то это тоже радость, признание определенное, потому что я стараюсь сдавать материалы, тексты самого высокого качества. Я очень придирчиво к себе отношусь и прислушиваюсь в отличие от многих журналистов к мнению других. Сомнения меня не покидают. Вот, я могу показать материал — его никто не трогал, но он весь в поправках, дописках, хотя уже был готов и друзья советовали больше ничего не переделывать. Иногда лучше материал у меня отбирать, ибо я все равно что-либо найду, исправлю...

— Маршруты Юрия Рост. О многих я, как и читатели «Литературки»,

ше никогда не повторится. Эти моменты умирают постоянно, но фиксация как раз и сохраняет эту смерть. Это единственная смерть, которая не страшна: человек остается жить, умер только момент.

«Ушла душа. Все по-прежнему происходит, что-то действует, что-то дает сбои, импульсы идут по нервам, сопротивляется кое-как организм. Работает. Мысли возникают недурные, но пусто в грудной клетке — и путаемся в чувствах и в чутье.»

«Без Сахарова». «ЛГ» (6.03.91).

— А какой снимок ты еще не сделал? — Кто же это может знать! Сейчас стало тяжелее снимать, труднее заставить себя, становится как-то неловко за съемку. Бывает такое чувство, которое раньше было незнакомым: все-таки мы вторгаемся в чужую жизнь...

Может быть, действительно это счастливая идея — фотографировать людей в глаза (почти все мои снимки фронтальные) — она пришла ко мне из далекого прошлого, когда человеку долго приходилось позировать перед камерой. Моментальная фотография — это власть человека с фотоаппаратом над объектом, а старая фотография — власть самого снимаемого над фотографом. Посмотрим на старые фо-

ЮРИИ в полный

знаю. И все же, может быть, вспомнишь о некоторых...

— Если говорить о последних маршрутах, то их география общеизвестна: крупные события, несчастья наши общие — они диктуют наше движение. Можно просто по событиям вспомнить. «Нахимов» — значит, Новороссийск, снежные завалы — значит, Грузия, затем Армения, Карабах, опять Грузия, Тбилиси, Вильнюс, Ош... Вот материал из-под Чернобыля, был там на свадьбе, речь идет о моих близких друзьях, и материал мне дорог. Они живут в сорока километрах от реактора...

— А какой ты сделал самый памятный снимок? Есть такой?

— Очень трудно ответить. Вот, смотри, сколько снимков висит. Это друзья мои или дорогие мне люди. Самый памятный... Может, стоит сказать о снимке Андрея Дмитриевича Сахарова 1970 года.

— Почему?

— Потому, что он в значительной степени определил мою дальнейшую судьбу. Этот снимок был первым легальным снимком Сахарова и послужил мне своеобразным ключом к самому Сахарову.

За каждым снимком что-то стоит. Это часть жизни, ее отражение. В каком-то материале я написал, что фотография — это смерть момента, это память о смерти, ибо этот момент боль-

тографии — на каждой из них свой образ, и в качестве документа эти снимки очень хороши. Люди на них все разные, хочешь не хочешь, а внутренний мир человека имеет свою форму. Важно только понять. Поэтому отбор фотографий для меня — это момент человековедения...

— Приходилось ли тебе когда-либо рисковать?

— Опять-таки, вопрос из той категории, когда саму ситуацию можно разделить только после того, как что-то произошло. Не знаю...

Допустим, если бы в Оше кто-нибудь пальнул бы, не дай Господь, в меня из ружья и, допустим, попал в ногу. Тогда, наверно, сказали бы, что вот он с риском для жизни... Но ничего этого не произошло, и поэтому нет ощущения риска. Или Тбилиси. Кровавый апрель. Когда разбили мою аппаратуру, надеюсь, что уничтожат и пленки. Риск? Сам разбирайся...

— За кого из кандидатов в президенты России голосовал журналист Юрий Рост?

— За Ельцина.

— Спасибо...

— Я могу объяснить, почему. Мне кажется, это нечеловеческая привязанность. Отношение к политическим деятелям должно быть, как в том старом хорошем грузинском анекдоте, когда спрашивают: «Гоги, ты помидор любишь?» — «Кушать я его люблю, а

Ю. Р. Фаина Раневская и Марина Неелова.

перво ИСТОЧНИК

так — за что я должен любить помидор?» Они для меня все — помидоры. Если бы кто-то из моих друзей стал президентом, то я мог бы объяснить это человеческой привязанностью или симпатией, и из них бы я болел. С Ельциным я ни разу не виделся.

— А не мечтаешь его снять?

— Ельцина? Пока нет. У меня такая установка была с самого начала: я никогда не писал ни о каких политических деятелях — дежурные оды и хвалебные кричалки не мой жанр. И установка эта пока сохраняется.

Но продолжим о помидорах. Определять свое отношение к политическому деятелю следует с позиции той пользы, которую он может принести мне конкретно, моим близким и моей стране, России. Мне представляется, что Ельцин сегодня — единственная фигура, которая нужна России. Ельцин как человек, порвавший с нашим несчастливим коммунистическим прошлым, способен создать надежную демократическую систему. К тому же у него уже построены за год определенные структуры. И мне жалко было бы терять еще год, пока новый президент будет создавать новые, которые могут оказаться вовсе не приемлемыми для меня. Это будет гнилой помидор, я его не смог бы есть, он меня отравил бы. Поэтому я голосовал за Ельцина.

— А как дела у сына?

— У сына? Он закончил третий курс факультета журналистики, и я думаю, что если он будет продолжать свое образование в газете, — он сейчас на практике в «Московских новостях», где царит атмосфера азарта, делания, где

Ю. Р. Академик Сахаров.
(Публикуется впервые).

— Любопытно...
— У вас черный хлеб есть?
— Есть.

— Надо, во-первых, сделать квас. Каждая хозяйка знает, как его сделать. Только не очень сладкий. Взять банку, положить в нее салата, укропа, чеснока, набить полную и хорошенько утрамбовать, затем залить квасом и дать постоять два дня. Добавить соль. Такая вкуснятина!..

бывает скучновато, а момент клоунады присутствует, я считаю, что это высочайшая профессия... Вот недавно приобрел к телогрейке еще одну деталь — шарф, недорогой, за четыре рубля, купил в уцененном магазине. Все подорожало, а это подешевело...

— Пора создавать общество телогреечников...

— Было такое. Разные люди параллельно пришли к этой замечательной

РОСТ

Он знает толк — в полный рост.
Б. Г.
(По мотивам)

очень хорошие журналисты, где редактор, которого я очень люблю, — то он станет неплохим журналистом.

— Сын пошел по стопам отца, а вот сам отец, хотя вышел из актерской семьи, актером не стал...

— Да, отец у меня был актером, я родился в театре, в Киевском театре юного зрителя. У меня много друзей в театральном мире. И сам мечтал в детстве сыграть какую-нибудь роль. И, действительно, однажды вышел на сцену в спектакле, но это скорее был анекдот. В «Современнике» шел спектакль «Спешите делать добро». Я пришел в джинсах, куртке и прошел за кулисы. Игорь Кваша и Валентин Гафт стоят там и говорят: «Пошли на сцену», а декорации менялись без занавеса в темноте. Я им говорю: «Вы что, с ума сошли?» Игорь Кваша тогда пожал мне руку, якобы попрощаться, и выдернул на сцену. Я оказался перед зрителями. С уважением отношусь к тем людям, которые заплатили деньги за то, чтобы видеть актеров, а не меня. К счастью, актеры знали, что я их не подведу, не стану вести себя по-идиотски, не буду сопротивляться. И, коль я оказался на сцене, надо было действовать. Текста в моей роли не было. Надо было просто сесть на скамейку среди других. Кваша шепнул, чтобы я положил руки на колени, таков был режиссерский замысел. А Гафт и Алла Покровская в это время работали на авансцене, и я сидел на чьем-то месте. Гафт быстро сообразил, он видел нашу возню за кулисами. А Алла — нет, и, когда она увидела меня на сцене, с ней чуть не случилась истерика от смеха. Так я и просидел на сцене 20 минут.

Потом Гафт уговаривал меня еще выйти в финале и произнести одну фразу, чтобы спровоцировать Квашу. Я же, из опасения сорвать спектакль, отказался. Но думаю, еще сыграю всерьез... Может быть, мой друг Сережа Юрский снимет, просил меня не уезжать, мол, сниму тебя. ДANELIA обещала... Так что в массовке, может быть, и выйду...

— А это правда, что Юрий Рост варит самый замечательный кофе в Москве?

— Не знаю! Сейчас сварю, попробуешь... Могу поделиться секретом. Я знаю множество кулинарных рецептов. Можете опубликовать один в своей газете.

— А еще говорят, будто Юрий Рост у себя на балконе московской квартиры коптит фантастически вкусную рыбу?

— Бывало! Купил примус «Шмель», коптилку и копчу, но это раньше. Сейчас рыбы не купишь. Теперь надо переходить на сосиски, после копчения они приобретают приемлемый вкус...

Ю. Р. Михаил Жванецкий.
(Публикуется впервые).

— Доводилось слышать, что Юрий Рост легко находит общий язык с ГАИ.

— Нахожу. Просто нет другого выхода. Дело в том, что у меня права 60-го года. Я их должен был давно поменять. Должен был давно пройти техосмотр... Поэтому приходится с ними вести беседы...

— А какова судьба знаменитой синей телогрейки?..

— Я приверженец синих телогреек. У меня их было уже штук пять, ибо одна телогрейка больше двух сезонов не выдерживает. Я пришел к выводу, что это очень удобная вещь, очень удобная. Она из хлопка, никакой синтетики нет. Дешевая — 12—15 рублей — раньше, сейчас, конечно, дороже. Затем — никто не ворует. Первое время странно смотрели, а теперь настолько привыкли, что если я появляюсь в гражданской одежде, то спрашивают, где телогрейка. Иногда ее украшают чем-нибудь. Например, медалью. К 50-летию вручили мне медаль «Ветеран труда»...
Может, это и придурь, но иногда

идея. Я знаю, что Булат Шалвович Окуджава тоже долгое время ходил в телогрейке. Не из эпатажа, нет. Просто очень удобно. Отар Йоселиани. Я ему подарил телогрейку. Он ввез эту моду даже во Францию, и они завоевали Париж!

Но сейчас у меня проблема — последнюю донашиваю! Надо искать. Кстати, последнюю купил под Чернобылем, не измерял, может быть, и фонтан...

— А правда, что Юрий Рост любимый журналист Маргарет Тэтчер?

— Это неправда. Во всяком случае не любимый. В Советском Союзе у нее есть три нелюбимых журналиста, которые вели в свое время с ней диалог на телевидении. Я, к счастью, из другой оперы.

«Год прошел. Этот год был богат событиями, которые не сделали страну богаче. Эмоции, сострадания, увы, малость притупились. Одномоментный душевный порыв, когда страна «рванула на груди рубашку», прошел. В самой Армении, видимо, тоже острый момент сопереживания поостыл...»

«Ленинакан, Спитак год спусть. «ЛГ» (6.12.89.)

— Тогда почему у меня возникли такие ассоциации? Рост and Тэтчер.

— А с Тэтчерта история. Готовясь к поездке в Армению, она прочла мою книжку про эту древнюю страну. Видимо, среди других материалов, которые подготовили советники. И ее секретарь написала мне письмо, в котором сообщила, что госпожа Тэтчер прочла книгу и посчитала ее чрезвычайно интересной. Лично с Тэтчер я не знаком.

В гостях у Юрия Роста (не дома, а на службе) побывал Александр ВОЛКОВ, который вовремя задавал вопросы, вставлял свою кассету в диктофон Юрия Роста, а также умудрился сфотографировать героя и выудить у него для публикации в «45» немало дивных снимков.

ВЗГЛЯД

Ставропольским Фондом культуры и редакцией издания «45-я параллель» учреждена 41 стипендия для студентов вузов и воспитанников музыкальных и художественного училищ.

1990 год Ставропольское отделение Советского фонда культуры завершило с прибылью в 2,7 миллиона рублей.

В течение трех лет научно-творческим производственным объединением, возглавляемым архитектором Д. Казачковым, выполнен объем архитектурно-дизайнерских и реставрационно-восстановительных работ по программам «Музеи», «Библиотеки», «Памятники истории и культуры» на общую сумму свыше 1,2 миллиона рублей.

К наиболее значительным объемам относятся реконструкция и оформление экспозиций объединенного Государственного музея имени Г. К. Праве «Реликвии Советской эпохи», «Ставрополье и ставропольцы. По следам событий», «Ставрополье. 1940—1980гг.»

В сотрудничестве с этим музеем осуществлены дизайнерско-оформительские работы в доме-музее семьи Лопатиных, в музеях Невинномыска, Ипатов, Железноводска, Георгиевска, Кисловодска, Зеленокумска, села Александровского.

От разработки научной концепции до сдачи музея под ключ выполнены работы в Светлограде и станице Григоропольской, ведется проектирование новых музеев еще в восьми городах и селах края.

Реконструированы дворцы культуры в районных центрах Красновардейском, Ипатове, Грачевке, сооружены мемориалы в селах Новомихайловском, Покровском, «Медвеженский фронт» в Красновардейском районе. Идет реставрация мемориалов «Буденновец» и «Холодный родник» в Ставрополе.

С января 1991 года мы занимаемся издательским делом. Тогда были учреждены орган Ставропольского отделения Фонда — ежемесячник «45-я параллель» и приложение к нему «Круг чтения» общим тиражом 200000 экземпляров в месяц.

Увидело свет 17 наименований книг и брошюр общим тиражом 2000000

Дом-музей семьи Лопатиных.

экземпляров на сумму 13,5 миллиона рублей. Среди изданных книг наибольший читательский спрос вызвали «Ребенок и уход за ним» Бенджамина Спока, «Мое водолечение» Себастьяна Кнейпа. Особую краеведческую ценность представляет «Ставропольская губерния» А. Твалчрелидзе.

Редакция заказной литературы дала «зеленый свет» первым произведениям ставропольских литераторов П. Савельева, И. Иванова, В. Барсуковой, Е. Калинина, Г. Лазоренко, А. Миловановой, К. Маркаряна, В. Меньшикова, В. Уренго, А. Линева.

В 1990—1991 годах нашими профессиональными художественными коллективами — оркестром «Кантабиле», камерным хором духовной музыки, камерным театром «Наследие», вокально-инструментальным ансамблем «Народная песня», авторскими литературно-композиторскими группами — дано свыше 500 концертов в городах и селах Ставрополья.

В наших издательских планах — «История государства Российского» Н. Карамзина в четырех книгах и десяти томная «Хрестоматия по истории России», четырехтомник В. Потто «Два века терского казачества», двенадцатитомная «Живописная Россия», а также серии исторических романов, научной фантастики, приключений, детской художественной литературы, мемуаров и краеведческих произведений.

В творческом союзе с органами народного образования и краевым музыкальным обществом намечено открыть с 1 сентября этого года музыкальный лицей и факультативы по литературе, истории и искусству в средних школах и профтехучилищах Ставрополя.

Фонд участвует в международных проектах ЮНЕСКО «Комплексное изучение Шелкового пути — пути диалога», «Сохранение и развитие культур малых народов».

ВЗГЛЯД

(Окончание на 7-й стр.).

ОГНИ «СВЯТОГО ЭЛЬМА»

Первые сведения о «небесном огне» относятся к III веку до нашей эры. Но до сих пор о нем известно, пожалуй, не больше, чем о «летающих тарелках» и «снежном человеке».

Впервые довелось мне увидеть огни «святого Эльма» в феврале 1933 года, когда я зимовал на Эльбрусской метеостанции... В сумерках радист вышел запустить ветряк, которым мы пользовались для зарядки аккумуляторов. Вдруг послышался громкий возглас удивления. Я поспешил узнать, что там случилось.

На пропеллере и хвосте ветряка горело множество синеватых огоньков. Они перемещались, гасли и вновь вспыхивали. Нельзя было не задуматься столь эффектным зрелищем. Минут через пять они погасли, будто кто-то потушил их.

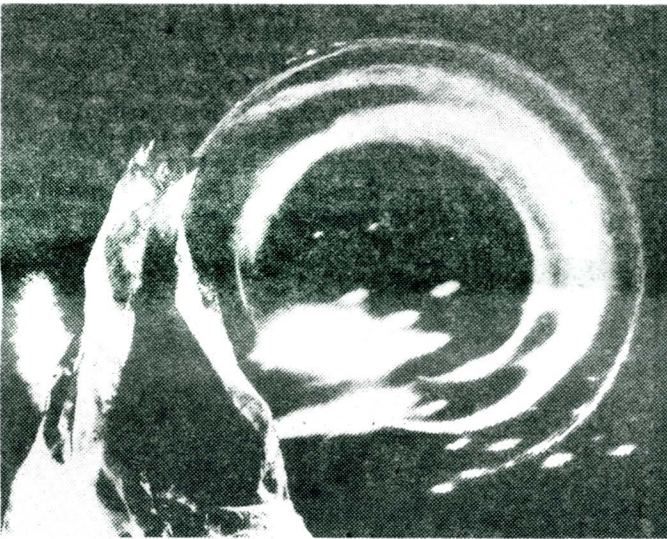
Вторая встреча с таинственным холодным свечением произошла спустя полгода, в сентябре, на седловине Эльбруса.

Мы закончили строительство высокогорной альпинистской хижины «Седловина» и расположились в ней на отдых. Перед сном один из плотников вышел подышать. Минуту спустя в распахнувшуюся дверь вместе с холодом ворвался крик:

— Горим!..

Вся бригада из пяти человек, набросив полушубки, выбежала из хижины. Я не торопился, догадавшись, что там за «пожар».

Огни «святого Эльма» считаются спутниками грозы, но известно немало случаев возникновения этого загадочного свечения во время снежных и пыльных бурь.

Юрий Рубинский. Из фотосерии «Планета грез».

«Небесный огонь» не только таинственный, но и никакой: ни горячий, ни холодный. Он может появиться на голове, на плечах, на пальцах рук, но его нельзя поймать и подержать на ладони.

По всему коньку крыши колебались голубоватые языки пламени. Подобно иллюминации, огни «святого Эльма» украшали самую высокую в мире по месту своего расположения альпинистскую хижину. Они то гасли, то вспыхивали вновь, отчего казалось, что находятся в постоянном движении. Мало кому удавалось наблюдать столь интенсивное и продолжительное свечение. Я объяснил встревоженной бригаде, что это за свечение, и люди успокоились.

...Во второй половине августа 1942 года на Марухском перевале мы с часу на час ждали появления солдат альпийской дивизии «Эдельвейс». Ждали третьи сутки.

В полночь пришел боец и осторожно дотронулся до плеча дремавшего «вполглаза», по-фронтовому, командира роты.

— Пулеметы светятся, — доложил он.

— Как светятся? Объясни толком.

— Огоньками, как свечки...

В это время на каске бойца неожиданно вспыхнуло несколько язычков голубоватого пламени.

— Чертовщина какая-то! — вырвалось у командира роты.

— Это огни «святого Эльма», — пояснил я.

— Какого, к дьяволу, Эльма?! — вскинулся он. — Это же демаскирует нашу оборону!..

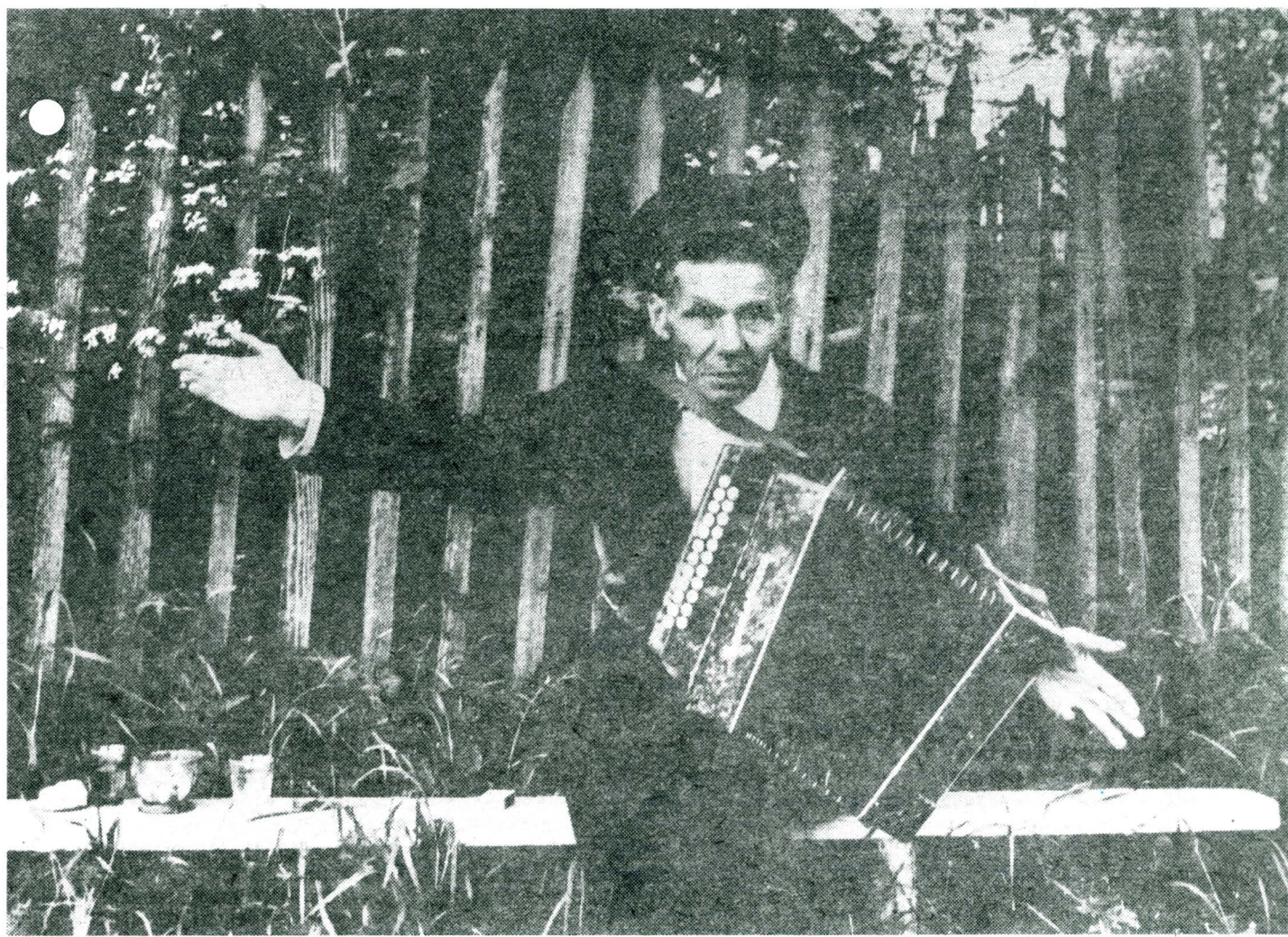
— Слишком много металла на перевале, — заметил я. — Оружие, боеприпасы, каска на каждом бойце. Вот и возникло свечение. Оно скоро погаснет.

Мы обошли все перевальные укрепления. Святой Эльм, покровитель путников, воинов и моряков, «побывал» на всех огневых точках нашей обороны.

В ту тревожную ночь далеко на юге часто вспыхивали молнии и оттуда доносились приглушенные раскаты грома...

В. НИКИТИН, краевед.

Кисловодск

Отчизна

НИИ
 4-5 — 45-я парашель • 8 (17) • 91
 ?

**Сергей
Донин**

Работы вологодского фотохудожника Сергея Донина просты и понятны — без вычурной эстетики или бравады техническими изысками. Они действуют, они говорят не напрямую — лишь тому, кто пытается отстраниться от суеты и преходящих ценностей нашей действительности.

Спокойное и размеренное звучание композиций мастера на равных вводит любого в мир российской глубинки.

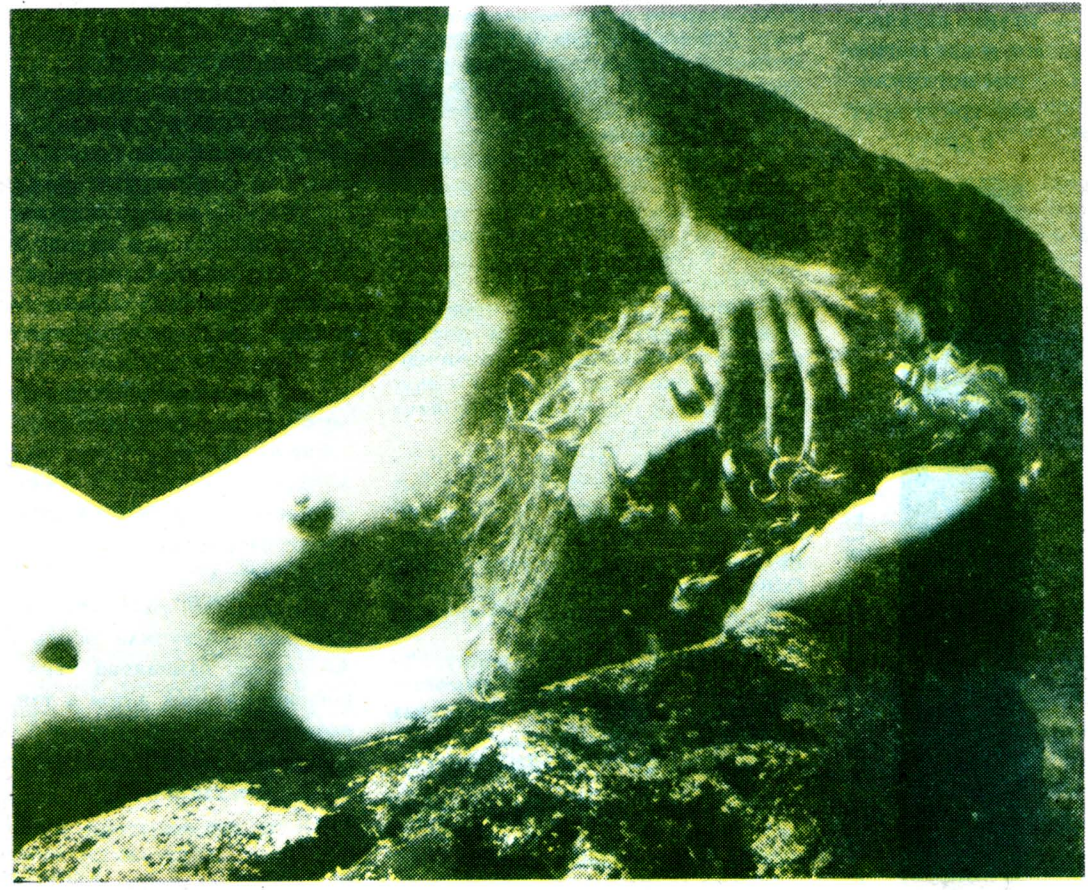

Звонарь

Вологда. Софийский собор

Субъективный ОБЪЕКТИВ

Солнышко в глаза

Архангельские воды

(Арс. ТАРКОВСКИЙ).

Это идиотство — уехать из России и видеть советские сны! Казалось бы, досматривай по ночам дневные видения: обморочные улицы, знойные от ресторанчиков и кафешек, не обойти, не улизнуть от мини-домов, плавающих мясо и тесто (в такую жару!) — облизывайся, прохожий; в бессознательных улицах черные манекены с вывороченными руками в белых манжетах — черные шеи, перетекающие в бюсты под тяжестью сотен цепочек и ожерелий, чтобы не ожирели, оплывающих золотыми волнами черную расклеванную пластмассу; на площади вздернешь взгляд на черно-зеркальный небоскреб — пощади, Господи! Не дай ослепнуть от солнца, умноженного безумием стекла и стали, серебра и золота, пыли и асфальта. В безумных улицах приключения рекламных дамочек, адвокатов и гангстеров, дрянных мальчишек-газетчиков и фальшивомонетчиков...Опрометчиво я в рифмы пускаюсь: уведут.

Сон. Советский сон без малейшего намека на жаркий климат и чуждый, квадратный язык.

Жена моя забавно рассказывает сны. Да! При всех моих недостатках я еще и женат. Жена...когда очередной сон рассказывает, все время повторяет: как бы ты и вроде не ты (особенно в постельных сценах — бесстыжа, м-да), как бы у нас дома, но обстановка и расположение комнат другие, но ощущение, что у нас дома. Или: я смотрю, это Х, и она говорит...а это мама или старуха из соседнего подъезда. И ужас, сколько крови и болезни в ее снах. Здоровая с виду женщина. Требуется от меня толкования снов. Откуда мне знать! Самому такая бестолковщина снится.

Я люблю сны. Они дают настоящее ощущение жизни. Просыпаешься в холодном поту — темнота, обыденность, ходяки ток-такают да жена сопит. И планете невдомек, что час или минуту назад она всей тяжестью наваливалась на тебя, подобно стальному катку, грозя раздавить, смять твои слабые косточки и хлипкие суставы. Жидкий твой мозг еще боялся, как бы не вытечь из глаз и ушей, и только счастливая возможность проснуться, приберегаемая на самый крайний случай, опять — в который уже раз! — спасла тебя — урода. Сердце колотится, ты трепещешь от радостного ощущения и осознания, что не всегда, не постоянно, но живешь, черт тебя поберет, борешься, ловчишь, выкручиваешься, как супермен из боевика, а прижмет — хак! — А-а-а! И проснулся. А жена под боком свои сны смотрит и тоже вздрагивает, потягивается, мычит, догоруша. Тоже живет, красавица.

Сны снам рознь. Бывает ощущение силы. Бывает, как — в боевике...А бывает такой советский сон, такая гадость, зубами скрежещешь, плюешься от бессилия, от невозможности что-либо изменить, чем-либо утешиться. От этих снов готов сбежать на край света, но они и здесь достают тебя. Словно смотришь в мутное зеркало в тухлятой рамке: осенний полусумрак в четыре часа дня, в прихожей, в странной квартире, похожей на твою и одновременно чужой, так мучительно напоминает желтая фотография под стеклышком, треснутым, засиженном мухами и остановившейся вечностью, как у старухи-процентщицы. Не рифмуй, не рифмуй, сволочь, говори правду. Протяни руку к выключателю, видишь засаленное пятно вокруг крапчатого четырехугольничка с черной клавишей.

Видишь очертания этого пятна, как будто чуть сползшего, как гирька ходиков, за пять минут мучительного забытья посреди отчужденной квартиры. Правда, оно похоже на силуэт совы. Помнишь чучело с бледно-желтыми стеклышками глаз. Пыльные охряные и серые перья и намертво приклеенные к черной дощечке желтоватые с восковым налетом лапки, когти, бессильно скребущие лак, надломленная тобой цевка, чешуйки и пушок. Видишь, вот оно, разметав крылья, с хрипом и кашлем тяжело сигануло вместе с подставкой повыше и замерло над зеркалом, пугая кругляками глаз. Видишь или ни черта не видишь! Очнись. Амальгама отслаивается, как сетчатка глаза. Зеркало уже почти ослепло. Не видит тебя, не хочет видеть. Отвернулось.

Два коридора и оба темных. Налево в кухню: рукой ошупываешь стену, на границе беленого и крашеного выключатель. Так. Сквозь зажмуренные, зашторенные окна улица говорит, что уже вечер, что гул подвигным нимбом зажегся вокруг фо-

нарей, что становятся все холодной и невзрачней кроны деревьев. С каждым октябрем все уютнее, все обжитее кухни. Ток. Когда перегорает лампочка и через два или три вечера свечных потемок вкручиваешь новую, щелкаешь выключателем на пробу, в четыре туманных часа зажмуренных окон, кажется — не было солнца доселе в этой квартире. Так. Привыкаешь быстро. Быстрее, чем успеет сгореть изжеванная током ниточка в стеклянной колбе. В тот же миг привыкаешь. И только затылком чувствуешь, что купил не 60 ватт, как обычно, а сто. Других не было. Ток. В прошлом году повесил на стенку аппликацию, сам клеил из испорченной акварели; пропылились, стерлись грани, острые осколки разбитой вазы притупились; вылетела вон засохшая оса с приклеенными крылышками из шуршащей бумаги; распался букет колючих горных стеблей. Все прах. Так. Что за досадный звук. Ток-Так. Ток-Так. Ходики, хижина с испорченной кукушкой, слюдяное окошко для стрелок. Начало пятого. Уже темнеет, как в ноябре. Зима скоро.

Возвращаешься тем же коридорчиком и не смеешь коснуться стены, боясь опрокинуть, сорвать открытку в черной деревянной рамочке, полочку с набором колец и заколок, вышитую розочку на черном бархате, тоже в рамке, глянецовый пожелтевший диплом твоей бабушки и фотографии, групповые и одиночные портреты твоих родственников, все в черных деревянных рамках. Унылая кухонная гармония в единообразии памяти. Ты пришел, как к себе домой, но забыл, что справа вешалка, что поворот налево, что рядом с дверью зеркало, а выключатель левее.

Ты коснулся холодного стекла. Так-Ток ходиков стелется по-над плитой и капает в туалете. Эй! Есть кто живой? — спрашиваешь у зеркала.

— Ната, можно мы у тебя переночуем? Мы тебе не помешаем с ребенком?

— Конечно! Заходите, что же вы? У меня сейчас никого нет. Спальня пустует. Ты же знаешь, мама умерла. Так что будьте, как дома.

Я стою с ребенком на руках в прихожей. Жена о чем-то шуршует с хозяйкой. Та хихикает и машет рукой. Дверь в кухню закрыта, слов не разобрать, но тень на занавеске выдает жест хозяйки. Трын-трава.

Над моей головой нехотя горит паучок люстры в мягком коричневом абажуре. Я смотрю в зеркало. Девочка спит. Она раскраснелась от комнатного тепла. Или это сон ее подогревает? Спи, моя ласточка лысая! Спи, мой глазоньки...

Вот, наконец, и жена: раздевайся — машет рукой и смеется. На, возьми обезьянку, как я разденусь? Не кричи... Кто кричит?...Ладно, молчи, разбудишь.

Я снимаю шляпу и плащ. Снять или не снимать туфли. В квартире грязно, тапочек нет. Нет, вот какие-то развалюхи, потом носки выбрасывай — провоняются, тыфу.

По коридору налево гостиная, в глубине ванная и туалет, дальше вправо спальня. Если хозяйка ляжет на диванчике в гостиной, а нам отдаст спальню, тогда нормально. Ненавижу ночевать у чужих. Чувствуешь себя, как жених у родителей невесты. Тут и вся ее родня смотрит устроила, и кресла опрокидываются, не успеешь сестра, конечно, — застолье.

— Давайте устроим праздник! Вы так редко бываете. (Редко! Я здесь вообще впервые.) Со свечами. У меня и водочка есть.

Ненавижу, когда жена пьет. И всех ее подруг ненавижу.

— Мы только дочурку уложим...

Ненавижу, когда она обезьянку дочуркой называет. С понтом мамашка.

Чего я бешусь. Ведь из-за меня приходится ночевать у этой...Мне оточертело дома. Захотелось разнообразия. Я вспоминаю, что это сон, и успокаиваюсь. Любопытно, что будет дальше. Должно же быть что-то, кроме этого судорожного веселья с заученными тостами, с прислушиванием, не проснулась ли девочка...

Она как будто рада нам. Ната ее зовут.

Во сне я снова купаю девочку. В чужой ванной. Сначала, как могу тщательно, мою ванну. Брезгливо мою. Напор воды слабый, и мыльная пена цепляется за желтые шероховатые стенки. Дверь я закрыл на щеколду. Вдруг под потолком черное окошко в туалет вспыхнуло красноватым

Автор этой новеллы — еще недавно пятигорчанин, ныне гражданин Израиля, продолжает оставаться одним из авторов «45».

светом. Я увидел боковым зрением. Зашуршало. Кто-то уселся на унитаза. Жена или эта...Ната. Жена с ребенком ждет, когда я позову их. Значит, она. Мне хочется подсмотреть. Что, если встать на край ванны. Смазливая девочка. Как бы не загреть. Плеск воды.

Я посмотрел на себя в зеркальце над умывальником. Оно слегка запотело. Сквозь тепловатый туман я подмигнул своему отражению и оскалился в беззвучном хохоте. Как бы не выдать себя.

Что можно увидеть сверху? Если она сидит прямо, как жердь, и смотрит перед собой на синий мешочек с бумажками, прищипленный на уровне глаз, то я увижу ее макушку, крошечку груди, подобранную юбку и две сизых коленики — у! Но если она расслабилась и, предположим, подалась вперед, опершись на локти и свесив кисти рук между ног, и прогнулась к тому же, то вполне можно будет разглядеть полукругия

водка при свечах отменяется. Пузатые посеребренные бутылки зеленого стекла вопиют. Никелированные вилки делают вид, что им все равно, а в окнах за широкими портьерами стоит тьма, и стекла зеркально отражают суету в гостиной.

Среди гостей заметней всех здоровенный краснорожий парень в тесной ковбойке. Он ведет себя, как хозяин, распорядясь выпивкой.

— Ее?

Жена взглядом отвечает:

— Да.

Ну и черт с ней.

Гости веселятся.

Сон торопится к развязке.

Если сон глубокий, то ты бессилен что-то изменить в свою пользу. Ты одновременно активен, говоришь, смеешься, идешь и возвращаешься, и все в таком роде, но если сну угодно будет выставить тебя за дверь, то ты бессилен и необъяснимо, почему ты оказываешься не у дел. Сон вполне может обойтись и без тебя.

Гости уходят, и жена торопливым шепотом говорит мне, что мы тоже должны уйти, что Ната никак не ожидала, что так все получится.

Она была бы рада оставить нас, но Он... ты понимаешь?..

Тем временем в прихожей (смешная подробность. Сны бывают весьма прихотливы), в прихожей слышится возбужденный разговор об астрономии и астрономах. Две хотушки взахлеб рассказывают, как они были в горах, в обсерватории. И одна из них достает из хозяйственной сумки огромное увеличительное стекло, подарок звездочетов, глубокое, как блюдо, голубое, тяжелое, с выщербленным краем, искрящимся в электрическом свете. Они смотрят друг на друга сквозь стекло и лыбятся, показывая пальцами на непомерно увеличившиеся носы и губы.

С какой стати мы должны уходить! Ей, видите ли, очень жаль. И этот красномордый непременно должен остаться с ней, а мы...

— Мы пойдем к Люсе. Она наверняка нас примет!

— Пусть Люся убирается знаешь куда! Ты подумай, ты, мать...куда мы поспремся в такую темень с ребенком после купания, в холода, ты соображаешь! К этой шалухе приходи какой-то козел, и мы вот так, как есть, собираемся и уходим. Е...в свое удовольствие. Хороша подруга. Короче, я пойду и набью этому козлу рожу. Или пусть меня вынесут вперед ногами!

Сон подталкивает мое бешенство.

Я просыпаюсь с болью во всех членах. Жена спит. Тихо. Темно. Я несильно встаю и иду по холодным мраморным плитам на кухню. Кухней я называю угол в огромной гостиной-столово-прихожей. Дальний угол, в котором есть газовая плита и окошко над ней. Я смотрю на шикарно круглую южную луну и думаю.

Сны обрывочны и непонятны. Они ли продолжают нашу жизнь или наша жизнь продолжает какой-то бессвязный сон. Так. Ток. Так. Ток. Бьюн цепляется за стену, карабкается вверх и падает, обвисает длинными беспомощными усами. Сквозняк чуть раскачивает зеленые плети. Засвистел сканик.

От подъезда медленно отчаливает грузовик, постепенно набирая скорость. Борта откинута и хлопают по колесам. На куче лилового и малинового тряпья лежит восковая старуха в голубом платье с кружавками начала века, в васильковом капоте, завязанном под подбородком фиолетовым шнурком. На ее запрокинутом густо-пергаментном лице черные морщины. Как у глиняного индейца, прорисованы кисточкой. Вместо глаз два золотистых пятка. Ее трясет на ухабах. Вдруг она скатывается с тряпья и падает. Деревянно, как высушенное дерево. Грузовик мчит дальше.

Внизу у подъезда сидят два старика в черном. Абсолютно одинаковые, одинаково опершись на прозрачные палки. Неподвижно и бессмысленно глядя вперед.

Они увидели: упала старуха, уехал грузовик, наступила осень и ночь. Абсолютно одинаково увидели они роскошный диск луны в таинственном ореоле южной дымчатой ночи.

Впрочем, ничего абсолютного нет в этом мире, глаза мои.

Феликс ХУШИНСКИЙ

В тот раз она заметила меня и теперь ждала. Подоткнув подол юбки, она встала на унитаз. Мы встретились взглядами, и нас магнитом потянуло навстречу друг к другу.

задницы, розовые в красном свете лампочки. Странно, зачем делают эти окошки? Чтобы не так скучно жилось квартиросемщикам? Призывно красное окошко. Интересно, надолго она там?

Она действительно расслабилась. Но не подалась вперед, как я предполагал, а откинулась на бачок и юбку задрала даже выше, чем мне того хотелось. Руки опустились к мохнатой промежности, ноги уперлись в низ двери. Все туалеты покрашены до потолка синей краской. Бред. Заметила меня или нет?

— Неси девочку, — крикнул я жене.

Наша малышка не любит купаться. Она отчаянно визжит и изворачивается. У себя дома мы не обращаем на это внимания, но в гостях ее капризы просто нестерпимы. Через три минуты жена унесла ее, завернутую в желто-зеленое линялое полотенце. Я остался ополоснуть ванну. Окошко по-прежнему горело. Была не была. Я осторожно заглянул.

В тот раз она заметила меня и теперь ждала. Подоткнув подол юбки, она встала на унитаз. Мы встретились взглядами, и нас магнитом потянуло навстречу друг к другу. Наши губы чуть приоткрылись для поцелуя, и мы впились в грязноватое стекло и отпрянули.

Одной ногой я съехал в ванну. Носок и штанина до икры вымокли. Окошко погасло. Как объяснить жене?..

Сон пренебрегает такими пустяками.

Дочь спит. В квартире полно народу. Похоже на вечеринку. Какие-то мужчины и женщины нанесли шампанского и угощений. Стало быть,

ЛЫМ отечества

— Убийство — та же война, — произнес бывший инспектор полиции Макгрегор, опуская на стол пустой бокал. — В обоих случаях мы имеем причины двух типов — глубинные и внешние, так сказать. Глубинные могут долгое время находиться как бы под спудом, не приводя к роковым последствиям, как сухой порох, — но лишь до тех пор, пока на них не упадет искра. А искрой могут послужить причины внешние. Возьмем пример первой мировой войны. Ясно, что глубинные ее причины крылись в особенностях германского империализма. Сараево, эта искорка, стало внешней причиной.

— Да, но ты начал рассказывать об убийстве, — напомнил я моему старому другу.

Был субботний вечер. Последние несколько лет такие часы мы обычно проводили вместе, за ужином.

— Верно, начал, — ответил Макгрегор. — Скажем, муж приревновал жену. Это его чувство может тлеть годами и в конце концов не привести ни к чему. Но если он застанет жену in flagrante delicto*,

же он убил ее?

— Тут вопрос непростой, тонкий. Нужно было досконально знать подоплеку их супружеских отношений, чтобы по-настоящему во всем разобраться. Миссис Рейнольдс без памяти влюбилась в Лесли, когда оба они учились на старших курсах университета. Она была дочерью Хью Маккаллена, мультимиллионера, который сколотил капитал на прибылях нефтяной компании «Пан Американ Ойл» и скончался вскоре после их свадьбы. Так что она стала единственной наследницей огромного состояния. Лесли был художником. В университете учился «постольку-поскольку», никаких планов на будущее в то время не имел. В общем, я понимал это так: они просто любили друг друга и были этим безмерно счастливы.

— Кажется, я догадываюсь, — заметил я. — Она заставила его против воли заниматься нефтяным бизнесом, а он хотел рисовать. Так?

— Ничего подобного. Она потворствовала ему буквально во всем. В течение нескольких лет они путешествовали по белу свету, он — с мольбертом и красками, она — в качестве влюбленной, души в нем не чаявшей жены. По-

ной степени, чтобы позволить ему оглядеться вокруг. Так вот: когда Лесли огляделся, то увидел рядом с собой недавно появившуюся в свете девушку по имени Патриция Старр. Она была настоящей красавицей. Ему шел пятый десяток, ей едва исполнилось восемнадцать. Между ними вспыхнуло сильное чувство. Он отправился к миссис Рейнольдс и обо всем рассказал. «Ты уверен, что это то, что тебе действительно нужно?» — спросила та. «Ни в чем в своей жизни я не был уверен больше, чем в этом», — был его ответ. «Замечательно. Не было случая, чтобы я тебе отказывала хотя бы в мелочи, ты сам это знаешь. Можешь уходить к Патриции, но зарабатывать на жизнь — свою и ее — ты будешь сам. От меня ты не получишь ни пенни.» Как признался мне гораздо позже Рейнольдс, он был вне себя от счастья. Поцеловав жену и поблагодарив ее, он стремглав помчался к Патриции делиться с ней хорошими новостями. Они уже строили планы насчет свадьбы и медового месяца, как вдруг об их намерениях стало известно родителям девушки. Те встретились с Лесли и напрямую заинтересовались, каким образом он собирается обеспечить их девочку такую жизнь, к какой она успела привыкнуть. Вопрос был поставлен ребром.

Это остудило пыл Рейнольдса. Он никогда не ощущал недостатка в деньгах, из которых, правда, ни один грош не был заработан им самим. Ему и в голову не приходило, что он вынужден будет оплачивать роскошное существование Патриции. Мистер Старр, сочтя такую партию крайне нежелательной для дочери, сказал свое «нет». Он отправил Патрицию вместе с матерью в Европу, после чего посоветовал Рейнольдсу вернуться к собственной жене и привычному образу жизни.

Но Лесли твердо решил жениться на юной Патриции. Он пошел к супруге, она работала в оранжерее, и попросил выделить ему сумму, без которой начать новую жизнь с Патрицией не представлялось возможным.

— Тут он получает отказ, — вставил я, — и убивает ее.

— Отнюдь. На этот раз она была настроена гораздо мягче и сказала, что дает ему сто тысяч.

— В таком случае, какого дьявола?..

— Погоди. Лесли написал Патриции, в ту пору находившейся в Париже, о своей счастливой судьбе. В своем ответе Патриция дала ему знать, что передумала и что до того дня, пока он не начнет зарабатывать деньги для нее с а м, между ними все кончено. Он был на грани безумия. Вылетел в Париж, увиделся с ней, несмотря на все попытки матери воспрепятствовать их встрече, но Патриция держалась твердо до самого конца. Как ты понимаешь, ему пришлось расстаться со своими мечтами. А что еще ему, в его-то возрасте, оставалось? Ни практических навыков, ни связей в деловом мире он не имел. Он вообще не мог ничего делать своими руками. Итак, он вернулся домой в скорби и меланхолии, чувствуя себя униженным и раздавленным человеком, к тому еще и несостоятельным мужчиной.

— Теперь мне все ясно, — сказала я. — В нем скопилось обиды на жену за то, что она опекала его, как дитя малое, и уничтожила в нем настоящего мужчину. Это чувство и привело его к преступлению.

— Такова была глубинная причина случившегося, но ведь убийство при этом вполне могло и не произойти. Требовалась внешняя причина.

— Что же ею стало?

— Рейнольдс поведал мне об этом лишь по прошествии времени. «Я уже собирался выйти из оранжереи и оставить там мою жену одну, как вдруг увидел, что она делает с крошечной сосенкой. Она обрезала ножницами у дерева половину корней, чтобы то не росло. Внезапно я осознал, что то же самое она практиковала и на мне, причем сознательно, в течение целого ряда лет. Она совершенно умышленно не позволяла мне выпрямиться, вырасти. Она превратила меня в деревце-бонзай. Вот почему я убил ее.»

Перевел с английского
Сергей НИКОЛАЕВ.

Ростов-на-Дону

Theodore Mathieson. No Motive.
© 1972. На русском не издавался.

ВЯНИЛИ

Ставропольским Фондом культуры учреждена ежегодная премия в 10 тысяч рублей за лучшее произведение в области литературы и искусства.

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

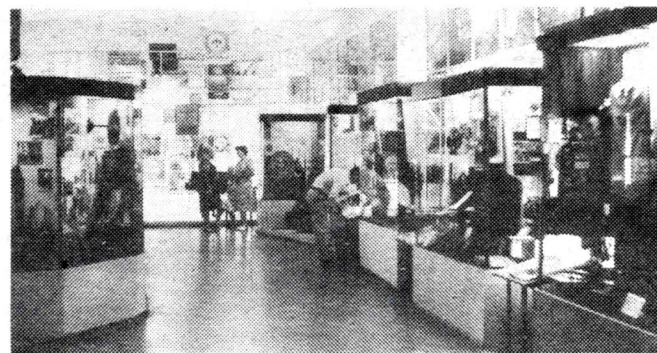
Важное место в нашей деятельности занимает Пушкинская тема. Ведь предстоит достойно встретить 200-летие со дня рождения поэта. Идет подготовка сувенирного издания избранных произведений. С этой целью совместно с краевым книжным издательством организуем издательско-посредническое малое предприятие «Кавказская библиотека».

Завершен конкурс на лучший проект памятника М. Ю. Лермонтову, который построим своими силами и на свои средства, а затем передадим его в дар жителям Ставрополя.

Совместно с сотрудниками краеведческого музея имени Г. К. Праве, где директором Н. Охонько, и членами Союза художников СССР Н. и Б. Бочковыми, Ф. Ворониковым, А. Черным мы разработали и осуществляем местную программу по краеведению и музейному делу. Возглавляет эту деятельность опытный краевед, заслуженный работник культуры РСФСР В. Госданкер.

Признательности и благодарности заслуживают наши активисты: народный артист РСФСР Б. Данильченко, заслуженные артисты РСФСР Н. Зубкова, В. Аллахвердов, артисты В. Лычагин, А. Ростов, солисты филармонии и фонда заслуженный артист РСФСР Б. Бруснев, Ф. Черкашова, В. Коротков, В. Чачин, заслуженный деятель искусств Калмыкии В. Чернявский, Д. Осинковский, краеведы И. Усова, Т. Феофановичева, Т. Головкина, художники-дизайнеры Д. Солдатов, С. Каравинский, Н. Санжаров, мастера-оформители О. Крещенко, В. Сур, А. Санников, А. Безуглов, В. Чарыков. В издательское и материально-техническое дело большой вклад внесли А. Лысенко, С. Сутолов, М. Шкляр, Е. Панаско, С. Луценко, Н. Чигина, В. Ненашев, П. Сербин, Т. Гершун, В. Сизоненко, Б. Смирнов и другие.

28 июля этого года состоялась учредительная конференция Ставропольского Фонда культуры. Избраны председатель фонда и правление. Введено членство. Учреждены фонды: уставный, инвестиционный и социальной защиты. Согласно нашему Уставу действительными членами Фонда могут стать деятели литературы и искусства, культуры. Размер вступительного взноса установлен — 25 рублей, ежегодного — 10 рублей.

В музее имени Г. К. Праве.

Утверждена благотворительная программа Фонда на 1991-1992 годы в сумме около двух миллионов рублей. Из них свыше 300 тысяч рублей будут направлены на дотации оркестру «Кантабиле», камерному хору духовной музыки, театру-студии «Наследие». 40 тысяч рублей выделяются на заказ и приобретение новых произведений писателей, художников и композиторов, 300 тысяч — на пополнение книжных и музейных фондов, 500 тысяч — на реставрацию мемориалов, памятников истории и культуры, 49 тысяч — на стипендии по программе «Новые имена», 200 тысяч рублей — на воссоздание мемориально-культурного исторического центра «Крепостная гора».

Новый устав породил и новые проблемы. И главные из них — создание собственной полиграфической базы, оснащенной новейшей техникой, строительство художественно-производственного комбината, формирование собственной сети книжной торговли и распространения периодических изданий.

Фонд наметил широкую программу по реставрации памятников, реконструкции музеев и библиотек, будет вести пропаганду классической литературы, музыки, живописи и исторического наследия. В этом мы видим и свой долг, и свое призвание.

Михаил НОВИКОВ.

Председатель Ставропольского Фонда культуры, заслуженный работник культуры РСФСР.

На средства и силами Фонда культуры в Ставрополе будет сооружен памятник М. Ю. Лермонтову.

ВЯНИЛИ

— результатом может оказаться убийство, да и не одно, а несколько, плюс самоубийство. Непосредственное столкновение с фактом супружеской неверности служит решающей внешней причиной.

— Ну это, по-моему, вполне очевидно.

— Так бывает не всегда. Возьмем случай с Рейнольдсами. Я занимался их делом несколько лет назад. Ты помнишь его?

— Что-то не припоминаю.

— Миссис Рейнольдс и ее муж, которые прожили бок о бок не меньше двадцати пяти лет в счастливом браке, однажды спокойно, без излишних эмоций беседовали в оранжерее, где она подрезала корешки растений. И вдруг Рейнольдс схватил ножницы и воткнул их в горло супруге.

— Он что же, ревновал ее?

— Ничуть. Они прекрасно ладили.

— Ему нужны были ее деньги?

— Тоже нет.

— Тогда должна быть еще одна женщина.

— Такая женщина действительно была, но суть проблемы заключалась не в ней. Во всяком случае, не в ней одной. Рейнольдс — его звали Лесли — увлекся некоей молодой дамой и решил жениться. Миссис Рейнольдс всецело была на его стороне.

— Бога ради! В таком случае зачем

*На месте преступления (лат.) — примечание переводчика.

том она забеременела, но ребенок родился мертвым, и врачи не оставили ей надежд на детей в будущем. После всего этого круг ее интересов значительно изменился и расширился. Ее стало больше беспокоить положение в обществе, она начала посещать концерты классической музыки, устраивать приемы с чаепитиями для литературной братии и прочее в этом духе.

— И забыла о своем Лесли...

— Как раз наоборот. То, что у нее не было и не могло быть собственных детей, направило все ее материнские инстинкты на Лесли. Не существовало такой вещи, которую бы он пожелал и не получил. Какое-то время он до фанатизма увлекался нумизматикой, затем принялся публиковать крупноформатные репродукции своих картин. Из этого последнего предприятия ничего толкового не вышло, зато он получал удовольствие, и супруги продолжали жить в полном согласии.

— Так какого же тогда... Почему ж он погубил ее?

— Мы как раз к тому и движемся. В течение пяти лет, предшествовавших ее смерти, у миссис Рейнольдс, которая несколько утомилась от общественных дел, появились всевозможные кобби: керамика, плетеные изделия, выращивание карликовых японских деревьев, или бонзай, как это еще называют. Возможно, в это время ее материнские чувства к Лесли слегка ослабли — не настолько, конечно, чтобы вовсе исчезнуть, но в достаточ-

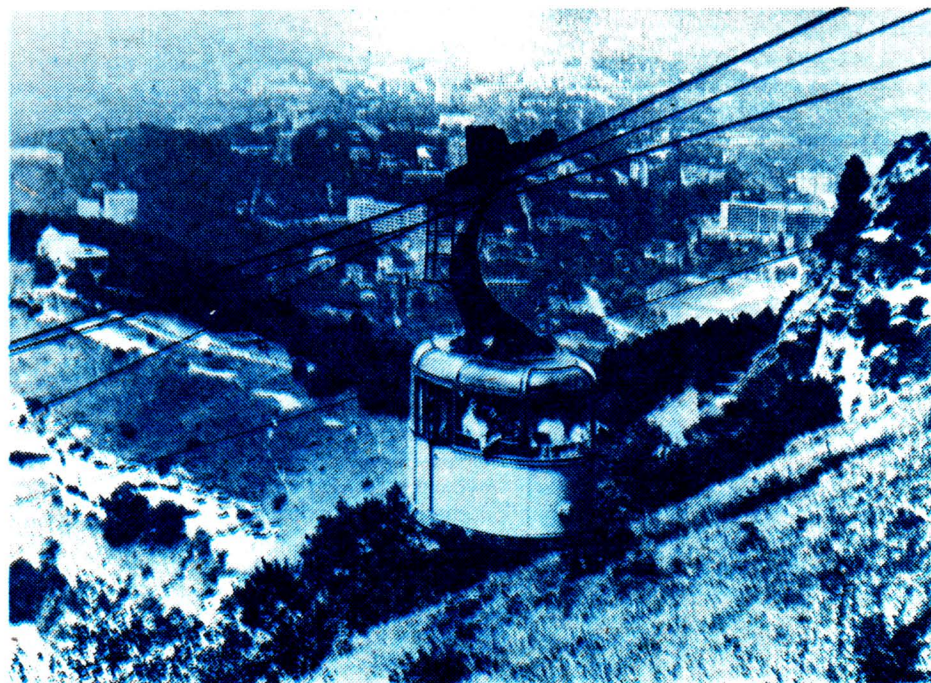
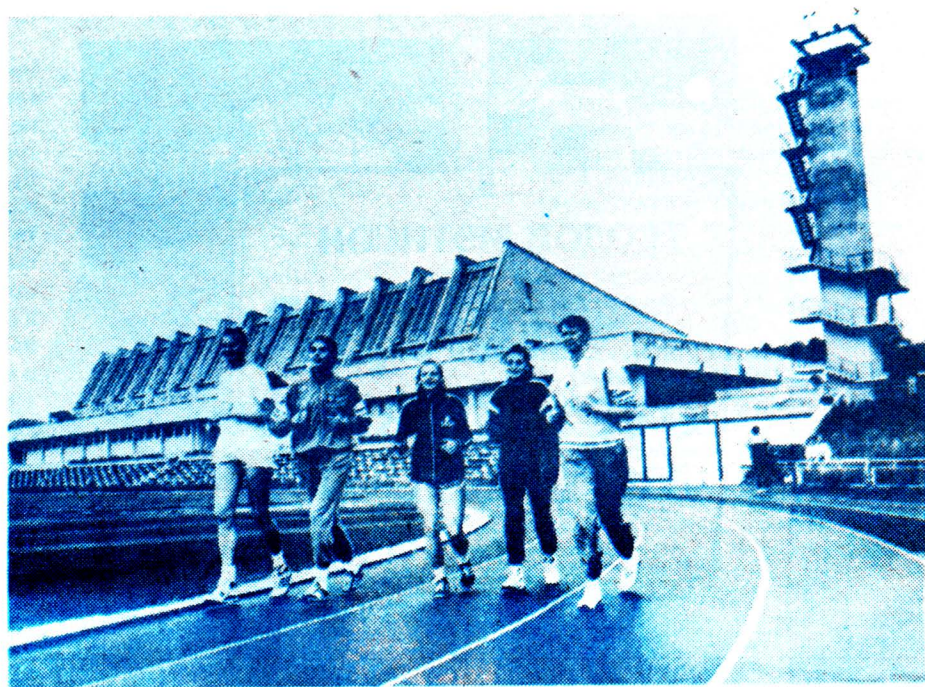
А
З

Д
Л

ДИЗАЙН ХУДОЖНИКА СЛЯРОВА Е.

ОСОБО
ПО

НА ЗНАЧЕНИЯ

КИСЛОВОДСКОЙ

СПОРТБАЗЕ

ОЛИМПИЙСКОЙ

ПОДГОТОВКИ

30
ЛЕТ

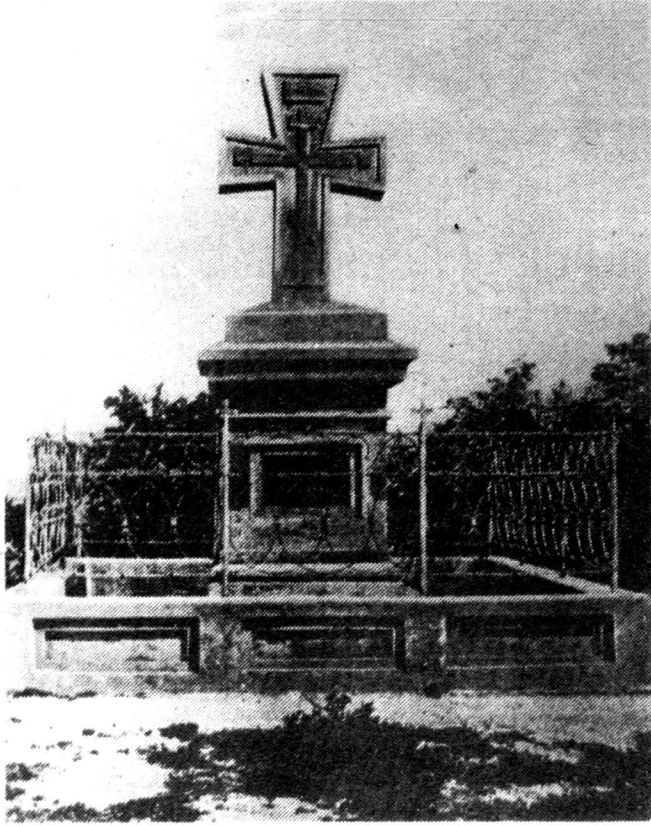
ОТЛИЧНЫЙ СЕРВИС!

Бассейн, сауна, тренировочные залы,
гостиница с видом на Эльбрус —
все это для спортивных команд страны.
Контактные телефоны в Кисловодске:
4-02-81, 4-42-45, 5-99-31.

ТРЕНИРУЙТЕСЬ В ГОРОДЕ СОЛНЦА,
И ВАМ ПОКОРЯТСЯ ЛЮБЫЕ РЕКОРДЫ!

КРЕСТОВЫЙ ГРАД

АРХИВ
открытый

«...Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, надгробных плит с надписями, гробниц и, как свидетельство этого периода у нас, на нашей ставропольской горе, бывшей Крепостной, ныне названной Соборной, находят Каменный Крест, доказательство жизни здесь первых христиан...»

Григорий ПРОЗРИТЕЛЕВ.

Ставрополь в переводе с греческого — город Креста («ставрос» — крест, «полис» — город). Название это нашло свое отражение и в первом гербе города. Он был в виде геральдического щита, разделенного на две половины. В нижней части на зеленом фоне золотился хлебный снопок. В верхней сверкал позолотой массивный крест с темно-зеленым лавровым венком.

Так легенда или была находка на бывшей Крепостной горе Ставрополя древнего креста? И связано ли с этой находкой как писал Григорий Николаевич Прозрителев, известный краевед прошлого, название города?

Владимир Георгиевич Гниловской, автор книги «Занимательное краеведение» и других работ, отвечал на эти вопросы отрицательно. Он считал, что название Ставропольской крепости, а затем и города заимствовано у первой русской крепости на Кавказе, возведенной в 1722 году Петром I в устье реки Сулак и упраздненной в царствование Анны Иоанновны.

Между тем не только легенды, но и архивные материалы подтверждают нахождение на той же Крепостной, позже Соборной, горе не одного, а двух каменных крестов. Первый из них, судя по сохранившимся фотографиям, был наиболее древним. Огражденный кованой решеткой, он располагался в самом центре Ставропольской крепости, где некогда стояла деревянная церковь Владимирского драгунского полка. Бывший начальник Палаты Государственных имуществ в Ставрополе В. С. Иноземцев, умерший в конце прошлого века в возрасте 90 лет, оставил воспоминания, где утверждал, что крест этот первоначально стоял в алтаре церкви, а затем был водружен на могиле основателя крепости полковника Ладыженского.

В 1816 году в Ставрополе была ликвидирована чумная вспышка. В честь этого события городской сход решил возвести храм на восточной оконечности Крепостной горы, который и был построен в 1847 году, получив наименование Казанского. Первоначально на месте предполагаемого храма поставили еще один каменный крест, который по преданию именовался Суворовским. Кстати, его облик дошел до нас благодаря известному в России художнику Никанору Чернецову, в 1829 году посетившему Ставрополь и сделавшему здесь две картины маслом, на одной из которых был запечатлен юго-

восточный район города с Крепостной горой. Крест этот, хорошо просматривавшийся из разных точек Нижнего города, стал и первым его символом. Находясь на панорамной точке, откуда открывалась даль Кавказских гор с Эльбрусом, он привлекал к себе внимание и всех прибывших или проезжавших через Крестовый град. Бесспорно, здесь бывали А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, декабристы. Отсюда делал эскизы художник А. Г. Венецианов, в 1829 и 1830 годах приезжавший к своему брату... С этой точки впервые был освящен и сам город Ставрополь прибывшим сюда Иеремией, первым владыкой Кавказской и Черноморской епархии с центром в Ставрополе, официально образованной в 1843 году. В редчайшей книге И. Виноградова «Пресвященный Иеремия», изданной в Петербурге в 1886 году, сообщается:

«Владыка прибыл в Богоспасаемый Ставрополь в Великую Субботу, 10 апреля 1843 года, в сумрак, в девять часов вечера. У городской заставы встретили его с хлебом и солью почетные граждане... Благословив их и с высокой Крепостной горы у древнего Каменного креста весь град, архиерей повезен был к Троицкому собору...»

Вернемся к дальнейшей судьбе древнего креста на восточном склоне Крепостной горы.

С освящением собора крест, как явствует из архивных документов, был помещен в специально выстроенную часовню, именуемую Суворовской, где в свете лампад и свечей тускло мерцали позолотой и серебром иконы и распятия, пожертвованные горожанами в память о великом сыне русского народа, одном из основателей города Креста.

Народная молва с годами все больше связывала историю древнего Креста с именем Суворова. Это поддерживали и официальные власти. Так, некогда известный полковник Масловский, ведавший и гражданскими делами, в 40-х годах докладывал в Петербург, что крест этот является памятником деятельности Суворова. Уже в конце прошлого века учитель истории Ольгинской гимназии и краевед И. П. Кувшинский писал, что ему удалось прочесть на замшелом камне надпись «Поставлен Суворовым».

Сегодня трудно отвергать это высказывание или соглашаться с ним. Известно лишь, что в канун 100-летия кончины

А. В. Суворова на том же восточном склоне Соборной горы вновь появляется каменный крест на высоком пьедестале, огражденный кованой решеткой. Его облик был запечатлен на многочисленных почтовых открытках тех и последующих лет. Третий каменный крест города?!

Ответ на этот вопрос потребовал от меня не одного года поисков в архивах края и страны. И вот, наконец, в руки попадает малоприметная серая папка, многократно проштампованная чернильными и сургучными печатями с гербами Ставропольской губернии, штампами городских Управы и Думы. На папке даты: 1889—1900 гг. И надпись: «О разборке часовни и установлении каменного креста».

«Против алтарной стороны Ставропольского Кафедрального Собора, — сообщает в деле церковный староста собора Г. Я. Локтионов, — на расстоянии 17 саженей, имеется небольшое каменное под железной крышей здание, в восточной стороне которого вделан трехаршинный каменный старинной формы крест, по преданию служащий памятником основания города Ставрополя (города Креста)... Кем устроено это здание, я, хотя и старожил, хорошо не знаю. Но так как это здание находится на самой видной части города, вмещает в себя крест — памятник основы города и в то же время видом своим совсем не отвечает своему назначению, то я желал бы обратить на него внимание Городской Управы и просить сделать вместо этого здания памятник городу в таком виде: небольшая четырехаршинная квадратная площадка из местного камня, зацементированная или покрытая асфальтом, в середине этой площадки укреплен вышеупомянутый крест, окрашенный масляной краской и снабженный приличной надписью с указанием года основы крепости Креста. Площадку обнести кругом железной решеткой с лавочками и вокруг этого, насколько позволит местность, посадить деревья и разбить цветник...»

Городская Управа принимает решение разобрать часовню, а на ее месте установить старый каменный крест, который, однако, из-за древности пришлось реставрировать. 5 декабря 1900 года городской архитектор М. Бржезицкий докладывал в Управу: «Сим имею честь довести до сведения Управы, что по соглашению с Ставропольским полицмейстером, на кресте, сооруженном Управой с восточной стороны Кафедрального Собора, пририта металлическая (...) доска с надписью — «По преданию поставлен распоряжением Александра Васильевича Суворова. 1780 г.».

Итак, на Соборной горе, немного в стороне от парадной лестницы раскинувшегося здесь Барятинского парка в канун рождения нового века был возрожден и символ города — Каменный крест. Если к этому добавить вызолоченные кресты 27 православных храмов и церквей, многочисленных часовен Ставрополя, являвшегося центром огромной Кавказской епархии, то это действительно был Крестовый град.

Так связано ли название города с теми древними каменными крестами? С одной стороны нет, так как Екатерина II подписала Указ об образовании Азово-Моздокской линии с поименным названием крепостей еще 24 апреля 1777 года, до их строительства. Крепость у Черного леса первоначально именовалась Московской и лишь с 22 ноября того же года, в связи с упразднением Бибинской крепости, получила название Ставропольской.

И в то же время это наименование оказалось исторически справедливым, ибо отразило не только факт находки здесь древних крестов, но и роль города в истории русской православной церкви на Северном Кавказе.

Герман БЕЛИКОВ.

На снимке из фондов Ставропольского краеведческого музея имени Г. К. Пяве: Древний крест у восточного склона Крепостной горы.

ВЫНУЛИ

ШОПЕН ИЛИ ШОН ПЕНН?

В старинном замке Дампьер, что неподалеку от Парижа, разыгрывались недавно такие сцены! Здесь снимался фильм о Жорж Санд — «Экспромт». Или, может быть, лучше перевести французское название как «Импровизация»?

Сюжет построен на известной любовной истории прославленной романистки с польским композитором и пианистом Фредериком Шопеном. В главной роли — молодая, но знаменитая (после фильма «Путешествие в Индию») австралийская киноактриса Джуди Дейвис. В роли Шопена — англичанин Хью Харрис.

Безбожно дымя сигаретой, Жорж Санд, в мужском костюме, настойчиво обхаживает Шопена. А вокруг нее, в свою очередь, ухаживают тоже влюбленные. И какие! Композитор Лист, художник Делакруа, поэт Мюссе.

Ференцу Листу, ясное дело, хочется перещегоолять Шопена. Вот его представляют светскому обществу — в парижском салоне баронессы Лагинской. Он подходит к пианино и... выдает рок и хэви-метал! Так закрутили авантюру сценаристка Сара Керночн и режиссер, ее муж, Джеймс Лапайн.

Один из парижских рецензентов пишет, что это скорее любовная история Мадонны и ее избранника (теперь любовь миновала. — Ред.) образца 1985 года, актера Шона Пенна — история, перенесенная в 1838-й год. Однако, или именно поэтому, предвидит успех фильма.

Как бы посмеялась, увидев эту комедию, сама Жорж Санд!

...Вот она — урожденная Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван, по литературному псевдониму Жорж Санд — смотрит с портрета 30-х годов прошлого века. А на верхнем снимке — она же в фильме, в исполнении Джуди Дейвис.

Владислав ЗАПОРОЖЧЕНКО.
Специально для «45».
Москва

Безбожно
дымя
сигаретой,
Жорж Санд
настойчиво
обхаживает
Шопена

ВЫНУЛИ

Живет в Пятигорске. Разменял третий десяток. Ему двадцать один. Свои первые поэтические опыты относит к периоду учебы в 8 классе. В этом году успешно закончил 4 курс Пятигорского фармацевтического института. Мать и отец Михаила — фармацевты, поэтому выбор профессии случайным не был.

1985

Чреполосица дней — отупевших подранков —
Равнодушно скользит мимо мусорных ям.
Неизменный «козел» и вино спозаранку,
И ничто не грозит проржавевшим саням.
Полусонное царство на миг шелохнется
Безнадежно щелчком полуспящих ночей;
Исключенность из правил назад не вернется:
Осторожность — подруга стучащих врачей.
Плюс и минус равны в перевернутом мире,
И года за бесценюк идут с молотка.
Независимость стоит казенной квартиры —
Безопасней в толпе у пивного ларька.
Аккуратные галочки в вечных журналах
Благосклонно подарят на счастье талон,
Но извечные поиски нужных каналов
Лихорадочно тянутся в частный салон.
Величавость реки — половодье бессилья,
Если против течения заказано плыть.
Но насилье уже не рождает насилья —
Даже кровью налет фарисейства не смыть.
Семисложная тина прочнее цемента,
Ил колбасных забот на песке серых душ.
Отпущенье грехов в приобщении к моменту
Всеравнения масс на да здравственный туш.
Но клубок размотался почти до начала.
В заходящих лучах светопутный Содом.
Победителей судит возня у причала

Михаил ШМЫРОВ

Но чтобы Русь понять полней,
Вам надобно родиться в Ней.

Не спрашивай, не отвечай.
И близостью не обольщайся.
Лишь только посмотри в глаза
И взгляд поймать их постарайся:
Не исподволь, а невзначай.
Весь мир — ответ на все ответы —
На дне зрачков, в колодцах грез.
Замри — и чувствуй, как ладонью:
Колодец тайны полон слез,
Невыплаканных в те расцветы,
Которые остались где-то
В дали некошеного лета.
Их не с кем было разделить,
Как не о ком с тобой забыть.
Но ты — сейчас. Ты — опоздал,
И первым ты уже не станешь.
Так все же посмотри в глаза,
И если за ночь не устанешь —
Верь им. Ты не напрасно ждал,
Ты — тот, которого не ждали —
Непрощенный, незванный гость,
Придуманный собой отчасти...
Как колокол — отозвалось,
Глаза, блеснув, тебе отдали,
Все, что на свете повидали,
И обе стороны медали —
Любовь и ненависть к себе —
Вновь присуждаются тебе.

Студент-фармацевт объяснит, что диметиламиноэтилового эфира бензгидрола гидрохлорид — простой аптечный димедрол.

Поэт скажет:

А совесть —

Неразменная монета.

Платить — так уж сполна,
коль пробил час.

Покидающих свой обетованный дом.
В полумраке добротных лубяных подвалов
Победителей судит бесстрашие глаз.
Победителей судит привычность провалов
Эпохальных проектов из мраморных фраз.
Минотавр заблудился в своем лабиринте —
Не иначе, как где-то оборвана нить.
Победителей судит (пока в ротапринте)
Процветанье того, что обязано гнить.

Хмурые тучи раскишего утра.
День растечется промозглой тоской.
Время дождями откапает сутры,
Боль приглушив суетою мирской.
Мокрые рельсы чужих полустанков —
Странная повесть непрожитых лет —
Неумолимо свернут на стоянку
Четырехстеня ложных побед.
Лица мелькнут — и постель не запомнит
Скомканных фраз незначайных ночей.
Страшно право — судить свою совесть
И самому приглашать палачей.
Снова не пройдена самая малость...
Там, за надрывом слепящих высот,
Ветер пластами сдувает усталость —
Пепел привычных равнинных красот.
Молнии вскрик разобьется о тени,
Все возвратится на круги своя,
И электрический стул мне заменит
Клетка из прутьев каждого дня.

Оглушенный вечер. Месяц — пополам
с огнями улиц.

Музыка клазонов.

Зачем?

Опять

запруженный вокзал

А счастье — это знать,
что нужен где-то.

Кому — неважно.

Важно, что — сейчас.

Михаил — искренний человек. Интересный собеседник. Свободно владеет английским. Всерьез увлечен восточной, западноевропейской, русской философией. Ницше, Камю, Александр Зиновьев, Николай Бердяев...

Свеча горит. Раскаты не стихают.
Четырнадцатый год.
Темно. Зима. Пурга.
А капли воска скатерть заливают.
Все — дым. Как глух народ.
Какие холода.
Горит свеча, и в льдинках отраженья
зрачков. Они молчат.
Вот ты опять ушла.
Какое сумасшедшее терпенье
святого лика. Ад.
Что в этом ты нашла?
Безумен я? Безумство не спасает,
когда безумен мир.
Святая простота!
Спасти нельзя того, кто не желает
спасенным быть.
Какая пустота...
Зачем нам ВСЕ? Нам нужно так немного!
Опять куранты бьют.
Свеча сгорит дотла.
Мелькают сцены жуткого пролога.
Солдаты водку пьют.
Вокруг сгустилась мгла.

Ах

Ах, милый ядовитый критик!

НЕ надо ОБЪЯСНЯТЬ стихи,

Растаскивая ямбы и хорей

Расплывает крики по вагонам:
...Пиши, пока!

...Куда ты прешь, к-козел!

Букет гвоздик растоптан на перроне.

Потерянно-сердитый капитан

повис на замолчавшем телефоне.

На «пяточке» наперсточный азарт

и треск колоды.

«Поезд прибывает...»

Куда? Откуда?

Эхо затихает,

сжевав толпой невнятные слова.

...мать-перемать...

Помятый сонный бомж

разглядывает спящую красотку,

уткнувшись носом в чемодан.

Печальный толстячок жует селедку,

газету жирным пальцем теребя;

И никому нет дела до меня,

и в горле ком. Свободой не напиться.

Ведь миру вовремя уже не спохватиться,

и некому перелистнуть страницу

назад.

Восход.

И ветер рвет ковыль.

Усохшая калитка на запоре.

И моря шум. И чайки режут высь.

И синева до боли.

Сколько воли,

и невозможное возможно наконец,

и мы захлеб шампанское из горла...

Страшнее ада память прошлых лет.

О Господи!

Зачем Ты дал нам память —

из сладкой боли сотканный венец?!

...Пиши, пока!

Жизнь.

Было — не поправить.

С булавкой и лупою в руке.
Напишем о любви и о Корее
(О Северной, не Южной, — посмелее),
И пусть болтаться буду я на рее,
Но — здесь.

А ты, мой друг, — в аду!

Замолкни. Ты же видишь —

я бреду

По тоненькому краешку карниза,

И нехота мне лететь до низа,

Но если уж придется — сам шагну.

К чему по полкам, нишам — вдохновенье?

(Не спорю, в этом надобно уменье —

Полет души в кадушки рассовать).

Ах, не обсматывайте рифмы —

все равно

Бумагу не едим,

но пьем вино,

И вкус его нам чувствовать дано

Отнюдь не хладной мерностью рассудка,

Завернутого в боню и покой.

Я пред тобой захлопнул дверь,

Мой ласковый и нежный

критик;

Ведь сколь ни дальновидный ты политик,

Пожалуй, хватит петь за упокой.

Ты — ассенизатор.

Ты — паровоз,

Канцелярией мобилизованный

и призванный.

Я — индикатор

пения роз,

Сам собою легализованный

и признанный.

...Ах, чушь, эклектика, бессвязица — опять

Я вижу лоб, наморщенный брезгливо.

Послушай, друг, совет — ложись-ка спать:

Во сне увидишь, что не только знанье — сила!

Когда окончен бал и гаснут свечи,
Тихонько дьвол вдруг шепнет о том,
Что ни к чему нам взваливать на плечи
Полурассыпавшийся злой металлолом
Чужих несчастий и чужого горя,
Чужих исканий и чужих потерь:
Ведь наших сил расплесканное море
Гроша не стоит — раньше и теперь.
Но если — кровь, и если снова — драка,
И гибнет друг во лжи, а не в седле —
Не крик, не плач, не стоны, а — перчатка
И треск огня напомнят обо мне.
Пусть — не изменим. Пусть — не перестроим.
Пусть руки — в кровь, а Молох — устоит.
Но мы не пали ниц, не ходим строем,
Мы знаем — правда тверже, чем гранит,
А совесть — неразменная монета.
Платить — так уж сполна, коль пробил час.
А счастье — это знать, что нужен где-то.
Кому — неважно. Важно, что — сейчас.

Гулкость шагов в наш единственный вечер
Гасит молчанье цветов.
Все, что отдать только можно на свете,
Может быть взято без слов.
Окна «Камелии», словно прищурясь,
Смотрят, не глядя на нас.
Странно: как будто совсем не волнуясь,
Вновь приглашаю я Вас.
Южная ночь шелест моря вдыхает
В мир бриллиантами звезд.
Я — веришь ли? — как никто, понимаю
Сладость несбыточных грез.
Брызги шампанского — пена морская,
Искрами — лунный песок.

Золото мира — ничто по сравнению
С пульсом, стучащим в висок.
Боже мой, я ли стою на пороге
Счастья, которого нет?
Стоит ли чувства заковывать в строки?..
Господи! Дай мне ответ!

Когда писал первые стихи, «не думал, что это может быть серьезно».

Любимые его поэты — Цветаева, Манделштам, Бродский, Высоцкий... Учится у них.

Конфуций сказал: «Учиться и, когда придет время, прикладывать усвоенное к делу — разве это не прекрасно!»

Дело Михаила Шмырова — его стихи.

Когда-нибудь большой историк,
Спустя века и рукава,
Возьмется написать роман
О жизни в годы перестроек,
О ветрах мыльных перемен
И о вставании с колен.
Газетный поиск методичен:
Архивов пыльная тоска
Не потеряла волоска,
И фактов круг неограничен,
Не заостряя мелочей,
Он верно вскрыет суть вещей:
Что был наш люд изрядно беден,
А кто-то где-то за мильон
Купил старинный медальон,
Но тут порядок был наведен,
И новой мысли плод неспел
Где встал, там, видимо, и сел.
Что депутаты избирались
«От» — ДЛЯ народа (Бог поймет,
Как это выдержал народ);
И чтоб палаты разобрались,
Кто чей есть сын и кто есть «скот»,

Не месяц нужен был, а год.
Что где-то памятник сломали
И вновь построили забор,
Не сознавая перебор,
Чтоб утюги не продавали;
Но неизвестно чей пострел
Провел внеплановый расстрел.
Что дров и ребер наломали,
Пока надсаждать талон,
Спешил осахарить галон,
Немало. Бойко торговали
В те годы только коньяком —
Тем, что зорАжен «чумаком».
Что городам по праву веча
Повозвращали имена,
Но штамповали ордена,
Что имя тех увековечат,
Кто водку с пивом отменил
И самогоном заменил.
Что мы стреляли и «балдели»,
Что самолетный закидон
Был средством бегства за кордон,
Что секс и бизнес моделили,
И возмещал нам пестицид
Контрацептивный дефицит.
Что перестроились мы славно,
За что и честь нам и хвала.
Да малость книжка соврала,
В ней все поверхностно-исправно,
Но чтобы Русь понять полней,
Вам надобно родиться в Ней.
Сей опус пролистнет читатель
И скажет, глядя сквозь года:
«Да, тяжело им жилось тогда»
Ах, верных фактов почитатель!
На самый сытый и спокойный,
Демократически-застойный,
Свой век не стал бы я менять.
Но где уж вам меня понять!..

ШАНЖ 2

— 10 — • 45-я параллель • 8 (17) • 91

А ЗАДРАВСТВУЕТ ЕФИМИЗМ-ШИФРИНИЗМ - СВЕТОЕ УДУЩЕЕ! ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Что Шифрин обаятельный и что «ваньку валяет» будь здоров, факт общеизвестный. Его по телеку частенько крутят. Но, если артист тебе интересен, этого мало. Зашифрован Шифрин? К любому шифру есть ключ, в нашем случае это беседа, превратившаяся на страницах «45» в монолог, перемежаемый, с одной стороны, анекдотами, вспомнившимися Ефиму, с другой — рассказами Михаила Зощенко о Ленине. А началось все с того, что гастролер, хозяин «люкса», радушно предложил чай. За чаем, как водится, теплее разговор...

— Поступив на филологический факультет Латвийского государственного университета (я жил в Юрмале) и проучившись там год, вдруг сделал крутой «вираж» в сторону Москвы. Был принят в Государственное училище циркового и эстрадного искусства.

Если бы не «вираж», мог бы стать лингвистом, журналистом, учителем. Слава Богу, что этого не случилось. Сейчас у меня такое ощущение, что я чужого места не занимаю. Меня, как всякое еврейское «диче», пичкали в детстве то музыкой, то иностранным языком. В любом случае, моя профессия была бы связана с гуманитарным творчеством. Я бы не открывал химические законы, не запускал бы в космос корабли. Это очевидно. Учил бы детей, писал бы статьи, играл бы на пианино в каком-нибудь клубе...

Эстрада — это не терренкур в Кисловодске. Я шел и по обочине и выходил на магистраль, срывался и... шел в том же направлении.

Оглянувшись — оказывается, я тринадцать лет служу эстраде.

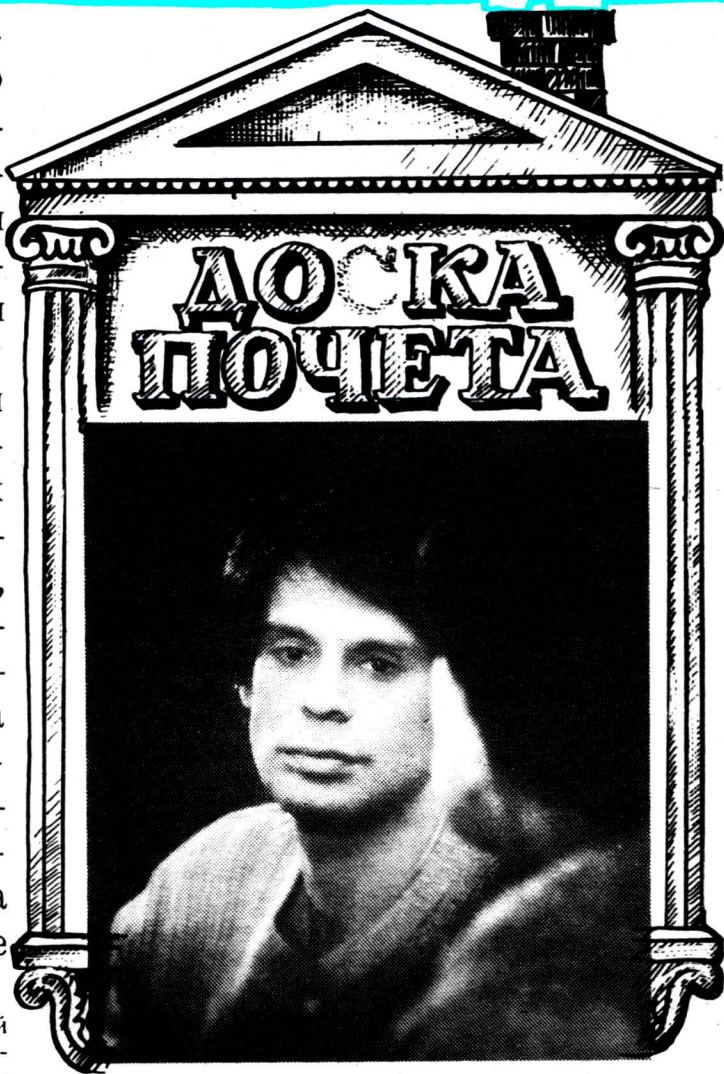
Началось все с Михаила Жванецкого. Он подарил мне цикл монологов «В мире животных». С этим циклом я и получил первую премию на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в 1979 году. Те, кто смотрел этот конкурс по ТВ, меня не увидели. Как, впрочем, и на другом — в 1983 году. Вырезали. Безболезненно.

А сегодня три четверти того, что я исполняю, принадлежит перу Виктора Коклюшкина, представлять которого, естественно, нет нужды. Я ему очень многим обязан. Этот человек на целое поколение старше меня, предлагать ему темы не приходится.

Сейчас все политизировалось до крайности, и искусство наше стало похоже на плакат. А хочется работать над оттенками, нюансами... Бытовые темы нравятся больше. Актер должен заниматься человеком.

Один известный деятель встречался как-то с народом. А мужики возьми и попроси его не болтать, а распить с ними бутылочку.

После первого же глотка у того исчезло родимое пятно. Он им: «Мужики, в чем дело?» Они ему: «Это ж вы там, в Кремле, «Смирновскую» пьете да «Петровскую», а мы — пятновыводитель...» (Анекдот).

Пусть и Ваша "45-я параллель" отодвигает весь земной шар! Скореей читайте журналы читателей!
Ваш Борис Шифрин

«Не надо по своему смешному самонению поднимать народ до себя, умеете возвыситься до народа.»

Евг. ВАХТАНГОВ.

Вот и попробуй уйти от политики. А с другой стороны, что делать народу, который вынужден пить пятновыводитель?

Когда я думаю о жизни, то передо мной судьба отца, которому недавно исполнился 81 год. Последний десяток лет он «разменивается» по больницам. За его плечами — довоенные аресты, Колыма. Я родился на Колыме, в поселке Со-сума, в 170 километрах от Магадана.

В моей «домовой книге» значится: Шифрин Нахим Залманович. Это мое настоящее имя: Еврей. Год рождения 1956. В 1985 году закончил ГИТИС. Режиссерский факультет. Чуть позже его закончила Клара Новикова.

А дальше идет — холост. Пока... Я сменил всего три места работы. Десять лет был в Москонцерте (попал по распределению), два года в Театре эстрады. Теперь в Москве в длинном списке новых театров возник «Шифрин-театр». Самостоятельная творческая единица.

Сейчас готовлю цикл рассказов Михаила Зощенко о Ленине. Публиковались эти рассказы во всех изданиях, но никто не рассмотрел запрятанного в них лукавства. Впервые они увидели свет в самые страшные годы. Сейчас, когда время полнее высветило фигуру Ленина, возник другой взгляд на эти рассказы. Они, видимо, послужат основой для моего большого спектакля «Покушение на Ленина».

«У Ленина было много врагов. У него было много врагов потому, что он хотел заново переделать всю жизнь.

И они подговорили одну злодейку убить великого вождя трудящихся, Владимира Ильича Ленина.

Они дали ей револьвер. Зарядили этот револьвер ядовитыми пулями. И сказали этой мерзкой злодейке: «Ты подойди к нему и выстрели в него три или четыре раза!» (Мих. ЗОЩЕНКО).

Меня смущает любая партийность, единение людей на идеологической (не только коммунистической) почве. Вспоминается бытовавшее в театре «Современник» выражение о непростых отношениях актеров — «террариум актеров». Якобы в шутку.

В области марксистско-ленинской философии я не спец. Хотя проходил четыре раза. Везде, где учился. Помню, вроде, что «партия наша как течение политической мысли возникла в 1903 году». А померла в 1985, как мне кажется.

«... И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат...» (Мих. ЗОЩЕНКО).

Круг моих привязанностей с университетских времен — русская литература XIX века, популярная (доступная моему пониманию) философская литература... Хорошая поэзия.

Хочется как можно больше успеть в разных областях духа человеческого. Недавно (в первый раз!) снялся в кинокомедии «Болотная стрит, или Средство против секса». Роль моя из пяти реплик выросла до четырех достаточно больших эпизодов. Дописали. Роль даже без имени. «Меланхоличный гражданин». Очередной придурок...

Партнеры у меня были прекрасные — Пуговкин, Ярмольник, Са-дальский, Фарада. Такая вот «звездная» кинокомедия.

С Садальским мы дружны в жизни. С Леной Ярмольником часто встречаемся на эстраде. С ними радостно сниматься, весело быть на гастрольях. Они остроумны и, вообще, смешные...

«... И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

— Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

— Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать.

И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением...» (Мих. ЗОЩЕНКО).

В театре на Малой Бронной репетирую в спектакле «Из жизни дождевых червей» шведского драматурга Энквиста. Это дуэтный спектакль. Репетирую его с Аней Каменковой. Это не имеет никакого отношения к тому, чем я занимался раньше. Драматический спектакль об одной ночи Ганса Христиана Андерсена.

У Вахтангова есть такое выражение: «Не надо по своему смешному самонению поднимать народ до себя, умеете возвыситься до народа».

Думаю, что такая формула в наше время почти тотального бескультурья не вполне очевидна. Огорчает, что сам этому бескультурью порой потакаешь.

Если быть честным до конца, то я могу понять и простить любые человеческие пороки и недостатки. Потому что все они на шестой части суши, где мы с вами прописаны, возникают от того самого бескультурья, порожденного голодом, страхом, самой системой.

«Заграницу» я впервые ощутил, когда мы с Колымы приехали в Ригу, сохранившую в себе «европейскость»...

С Кларой Новиковой побывали в Китае, Корее, Канаде, Израиле,

Австрии, США. То, что возникло от встреч с Америкой, не в состоянии перешибить даже Япония. А Япония, по общему мнению, живет уже в XXI веке. За границей нет главного города и провинции, что, к сожалению, есть у нас. Печально.

У японца, уезжающего из нашей страны, спросили: «Что вам больше всего понравилось у нас?» Он ответил: «Дети. У вас прекрасные дети, а все, что вы делаете руками — не годится». (Анекдот.)

Зрители на концертах порой ведут себя так же, как и в кино. Им кажется, что актер их не видит, и передо мной разворачивается спектакль. И я на сцене получаю удовольствие не меньшее, чем, смею надеяться, мои зрители.

Главное — не ожиреть. Сытость, переполненный желудок, фигурально говоря, притупляет реакцию, мешает моей профессии. Сейчас многие артисты «садутся на диету», чтобы припомнить ощущение голода. Ощущение голода, жизненный азарт держат профессию «в узде». Чтобы зря не крутиться на орбите, на которую тебя запустил либо случай, либо первая известность...

Мой знакомый писатель говорил, что ему ничего больше не надо, только бы быть в обществе Беллы Ахмадулиной, слушать ее. Я его понимаю. Мне бы хотелось быть в обществе академика Дмитрия Лихачева. Знать, что он твой современник, что он ходит по Земле вместе с тобой, — радостно.

С особым удовольствием выступал в южных городах. Не знаю, почему.

Днем я отдыхаю, а вечером выхожу на сцену. Что значит разумно организованный отдых в стране, которая тебе не позволяет отдохнуть.

«Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И, попивши чай, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать». (Мих. ЗОЩЕНКО).

Вертишься в кругу каких-то вечных забот.

В условиях нынешнего нашего состояния любой спектакль требует невозможных средств и огромной энергии. Даже для того чтобы выстругать и сколотить простейшую декорацию, нужно лечь костями. Не говорю о записи фонограмм. Если следовать известной формуле, что актер умирает в режиссере, режиссер — в актере, а драматург — в обоих одновременно и так далее, то в маленьком эстрадном номере масса «смертей». На этом «кладбище» рождается творческая жизнь.

В монолог Нахима Залмановича ШИФРИНА не встречал ЮРИИ САМОЙЛОВ.

Лирическую обертонку в номере «люкс» обеспечил директор госфилармонии на Кавминводах Василий БЕРЕЖНОЙ.

Валерий ЗОЛОТУХИН:

...Нашел-таки его квартирный телефон. Как? Пусть поиски сии останутся за кадром, а вот диалог меж нами примечательный, по-моему, получился. Итак, звоню Золотухину:

— День добрый!
— Добрый!..
— Вас беспокоит Хозяин тайги.
— Как это?! Ведь я — Хозяин...
— Нет, я...
— По-моему, вы ошибаетесь и даже не знаете, где происходили события...

— Отвечаю, как на экзамене. В местечке Выезжий Лог, что в Красноярском крае. Там текут реки Мана и Мина. А у сержанта, что прототипом Хозяина тайги служил, была кличка — Мина...
— Все! Встречаемся на Таганке.

Свидетелем нашей беседы стал бронзовый Гамлет — вернее, Владимир Высоцкий в костюме принца Датского. Маленький зеленый скверик. Березы. Театр.

— Вот здесь и поговорим. Володя ни одной фотографии — вот так, не обидится. Да, кстати, у меня нет рядом, с бронзовым, с ним.

Щелчок затвора. И еще один. И еще... И уж если делать отступление от беседы, то сейчас. Валерий Золотухин подарил для «45» два фрагмента своей повести в дневниках — «Все в жертву памяти твоей...» Она вошла в книгу «Дребезги», презентацию которой Золотухин обещал провести в Ставрополе — осенью нынешнего года. Первый отрывок опубликован в «Круге чтения» № 16, второй редакция помещает в следующем за ним выпуске, а сегодняшнюю беседу сопровождают отрывки, не включенные ни в ту, ни в другую публикации.

меня, то я закончил отделение оперетты ГИТИСа в Москве. Еще учась на первом курсе, был приглашен в театр имени Моссовета, которым руководил Завадский. Вела наш курс Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф, я ей обязан тем, что пришел в театр Моссовета. Она с первого дня мне сказала: «Молодой человек, ваше место в драматическом театре». Хотя это был, в общем-то, запрещенный прием, поскольку кафедра была музыкальной и опереточной. Но все равно она меня потихоньку готовила для драмы, и, естественно, теперь я ей очень благодарен за это. Завадский мне тогда сказал, что это не самый красивый поступок в моей жизни. И, может быть, он со своей точки зрения был прав. Ирина Сергеевна позже посмотрела меня в театре на Таганке. Это был «Герой нашего времени», где я играл Грушницкого. А потом были «10 дней, которые потрясли мир»... Словом, Ирина Сергеевна отпустила мне грехи мои тяжкие.

С РАИСОЙ МАКСИМОВНОЙ ПО ДУШАМ

Я ушел к Любимову. 23 апреля 1964 года считается днем рождения театра. Первая моя работа на Таганке — роль Грушницкого, я уже говорил. А Печорина играл Николай Губенко, ныне министр культуры СССР. Мы с ним начинали вместе. С тех пор я и продолжаю жить на этой сцене. Таганка... Та и не та. Вот ушел Володя, уехал Любимов, умер Эфрос. Для меня, когда работал Эфрос, сложилась счастливая ситуация: я сыграл многие интересные роли в его спектаклях. И в «Мизантропе», и в спектакле «На дне»... И, что греха таить, ссора, которая произошла у Эфроса с Любимовым...

— А была ли она, эта ссора?
— Да, была! Дело в том, что Юрий Петрович не принял спектакль «Вишневый сад», из-за этого и разгорелся сырбор. А между тем Юрий Петрович сыграл у Эфроса свою лучшую роль — Мольера в телевизионном фильме-спектакле «Мольер». Да, они были друзьями, но вот этот «Вишневый сад» нарушил их взаимоотношения. Владимир сводил их три раза в своей примерной, чтобы они примирились, но ничего из этого, увы, не вышло. Любимов считал, что Эфрос его не послушал, хотя давал обещание сделать какие-то исправления в спектакле. Но это все чепуха... Ну позволил бы Любимов Эфросу вмешиваться в свой спектакль, вы понимаете?

— В вашем театре, насколько знаю, не раз бывал Михаил Сергеевич Горбачев с Раисой Максимовной.

— Они были как раз на спектакле «Мизантроп». Сорок с лишним минут говорили с Эфросом. И как раз жалели, что нет в театре Любимова. Вспоминали, как, еще будучи студентами, приходили на спектакли «Антимиры», «10 дней, которые потрясли мир». И, в общем, вспоминали свою молодость и молодость театра на Таганке.

— И Горбачев выразил сожаление, что исчезли из репертуара некоторые старые таганковские спектакли, поставленные Любимовым?! Ведь тогда, в октябре 1986 года, было написано известное письмо, в котором говорилось о необходимости сделать все возможное, чтобы

Любимов вернулся в Союз. Письмо под писали, за точность не ручаюсь, по-моему, 137 человек. Вы были в их числе?

— Да, была надежда, что Любимов вернется. И Эфрос, самое интересное, тоже подписал. Хотя я у него спросил: «Анатолий Васильевич, зачем вы-то вмешиваетесь в это дело?» — «Ну как, я же ведь культурный человек, — ответил он, — я хочу, чтобы Любимов приехал, и нам не будет тесно. Мы будем работать здесь на новой сцене, он ее не любит, Любимов — на старой сцене, хватит всем места».

ТАГАНКА

12.09.1972. Наш друг запил. Это может кончиться плохо, в кино особенно, и ему уж никто не поможет. Ложиться в больницу он не хочет. У Марины в Париже сбежал старший сын. Позвонил через несколько дней, когда его уже разыскивала полиция: «Не беспокойся, я проживу без тебя». У каких-то своих хиппи.

Теория, что «его надо загрузить работой, чтоб у него не было времени (и тогда он не будет пить)» — полной ерундой оказалась. В двух прекрасных ролях, у ведущих мастеров... в театре «Гамлет», «Галилей» и пр., по ночам сочиняет, пишет... Скорее от загрузки мозга, от усталости ударишься в водку, а не от безделья.

ДА НЕ СУДИМ БУДЕШЬ

— Валерий Сергеевич, каково ваше отношение к уходу Любимова из Театра?
— Я считал тогда, что он неправильно поступил, бросив театр. Он был как бы за то, чтобы актеры разошлись, понимаете? Один бы ушел, другой, и театр ушел бы в легенду. Это было недопустимо. Получается, что после меня — хоть потоп. Поэтому он как раз считал, что я его как бы предал. Потому что я поддержал Эфроса, не ушел никуда и стал работать. И призывал своих коллег к работе, но, извините, это мое право, и у нас, кстати сказать, на этом разногласия с Юрием Петровичем. Я думаю, что мы-то в душе друг друга понимаем весьма и весьма. И у нас принципиальных расхождений нет. Ведь все-таки нас объединяет жизнь и творчество. Но что же делать, он считает, что Эфрос был не прав, что на это «кровавое» место ему идти было не надо, но это дело ведь Эфроса. Поймите, ему судья Бог, а не мы. Театр без режиссера — что дом без хозяина, дом-сирота. И снова мы без Любимова. При всем при том, что Юрий Петрович, я понимаю его позицию, против крови в Литве, против такой президентской политики. Это все правильно. Это его право. И мы всем театром сделали заявление в Праге, протестуя против беззакония в Прибалтике, но, тем не менее, можно приехать домой и работать... Но, как говорят «не суди, да не судим будешь». У него своя теперь жизнь, своя судьба, семья, потом, 74 ему будет в

этом году. Да и он, я думаю, тоже где-то в глубине своей души понимает, что театр свое дело сделал во всех отношениях. Он давно это говорил. Правда, это формула Товстоногова, что театр — это организм одного поколения. Оно в общем-то так и есть на самом деле. И у нас, у стариков, будем так считать, смены в общем-то нету.

15.09.1972. Высоцкого положили-таки в больницу. Несмог он сам остановиться. А казалось, что это может произойти, но нет... Это лучший исход для него. Только бы люди в кино оказались к нему снисходительными. В театре странного спокойно все к этому отнеслись, без громов, без молний... Будто ждали все и приготовились. Это от шефа. Без истерик, без угроз, спокойно отменил «Гамлета» и назначил «Свободу», но ее не пустили. И сегодня в Управлении будет скандал.

20.09.1972. Пришел Володя... и сразу спел и засмеялся... Чудо какое-то... «Я — коней напою, я — куплет допою...» И все рады ему и счастливы.

ЧТО, ЖИВОЙ ЕЩЕ?

— А как складывалась ваша судьба в кино? Первая роль, первый фильм?
— Первая проба была такая. Гайдай снимал «Приключения Шурика». Он затевал тогда огромный сериал и подбирал актера. И в число кандидатур, когда был еще студентом, был приглашен и я. Он мне тогда сказал: «Мне нужен советский Чаплин». На что я ему ответил:

ТАГАНКА

12.09.1972. Наш друг запил. Это может кончиться плохо, в кино особенно, и ему уж никто не поможет. Ложиться в больницу он не хочет. У Марины в Париже сбежал старший сын. Позвонил через несколько дней, когда его уже разыскивала полиция: «Не беспокойся, я проживу без тебя». У каких-то своих хиппи.

Теория, что «его надо загрузить работой, чтоб у него не было времени (и тогда он не будет пить)» — полной ерундой оказалась. В двух прекрасных ролях, у ведущих мастеров... в театре «Гамлет», «Галилей» и пр., по ночам сочиняет, пишет... Скорее от загрузки мозга, от усталости ударишься в водку, а не от безделья.

ДА НЕ СУДИМ БУДЕШЬ

— Валерий Сергеевич, каково ваше отношение к уходу Любимова из Театра?
— Я считал тогда, что он неправильно поступил, бросив театр. Он был как бы за то, чтобы актеры разошлись, понимаете? Один бы ушел, другой, и театр ушел бы в легенду. Это было недопустимо. Получается, что после меня — хоть потоп. Поэтому он как раз считал, что я его как бы предал. Потому что я поддержал Эфроса, не ушел никуда и стал работать. И призывал своих коллег к работе, но, извините, это мое право, и у нас, кстати сказать, на этом разногласия с Юрием Петровичем. Я думаю, что мы-то в душе друг друга понимаем весьма и весьма. И у нас принципиальных расхождений нет. Ведь все-таки нас объединяет жизнь и творчество. Но что же делать, он считает, что Эфрос был не прав, что на это «кровавое» место ему идти было не надо, но это дело ведь Эфроса. Поймите, ему судья Бог, а не мы. Театр без режиссера — что дом без хозяина, дом-сирота. И снова мы без Любимова. При всем при том, что Юрий Петрович, я понимаю его позицию, против крови в Литве, против такой президентской политики. Это все правильно. Это его право. И мы всем театром сделали заявление в Праге, протестуя против беззакония в Прибалтике, но, тем не менее, можно приехать домой и работать... Но, как говорят «не суди, да не судим будешь». У него своя теперь жизнь, своя судьба, семья, потом, 74 ему будет в

«Чаплина у вас нет, но вы имеете Золотухина». Ладно, мол, хорошо — из-под очков так улыбнулся, и на этом беседа наша закончилась... Потом вышло несколько фильмов с Александром Демьяненко. Нашего советского Чаплина он в результате нашел. Саша блистательный артист, любимый мною. Он был вообще кумиром студентов. Я на четыре года его моложе. Но, простит меня Господь и простит меня Саша, фильм этот сослу-

жил ему, по-м...
— Он не смо...
рика?
— Несмог...
выплываю из...
он не смог из...
Шурик так и ос...
дарования и...
Слава Богу, я...
Серееж кина в...
Бумбараша. Я...
недавно о совсе...
сына с приятел...
«Твой отец —...
отвечает: «Бу...
еще?». «Живой...
это быпсын Ро...

Еще в кино...
фильм «Пакет...
ли на нем. Вла...
заров, ставший...
кинематограф...
зал: «Валерий...
сим». Меня в...
цвет, и тогда...
«Это теперь г...
то был не гер...
Назаров мне е...
травинку». И п...
головый стал...
ны. Это был м...
— «Ин»венц...
ке 20 лет. Сдел...
кой власти, а в...
переменилась

09.10.1972.
не могу, я не...
человек. По...
дея» я ночь не...
себя, меня в...
жат... После...
лий я конч...
напряжении...
с ума от пер...
нибудь, я...
далее нуж...
нет сил... Я б...
по этому за...

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

08.07.1972. (Ленинград). 21-го мы локально отметили мой день. Сначала с Володей в «Астории», потом с Иваном и Кирой в номере поджипин с тоником и закончили дома у Н. Н. Ургант.

22-го приехала Ия. Я проспал встретить ее. Ездил на «Ленфильм», на рынок с Мариной Хочинской. И собрались мы в мастерской... на 10-м этаже. Ай, какая красота! Такого дня рождения я не помню у себя. Был цвет нации и соответствовал своему назначению. Золотухин, Саввина, Высоцкий, Хмельницкий, Смехов с женой, Хочинский с женой, Азизян, Дыховичный, Ласкари, Кира с Н. Ургант... Дивный вечер. Пели все, смеялись, плясали. Много и счастливо пел Володя. Мы с Сашкой из «Бумбараша» — «Журавля и все остальное». Володя развел всех на своей машине марки «Рено»... Прекрасно... Наутро «Антимиры». Все в форме и с воспоминаниями. Редко удаются такие вечера. Этот войдет в жизнь участвующих надолго, на всю... (Дубль такого же вечера был 4-го, там же, с прибавлением новых лиц).

— Плач по Таганке... Он звучит все чаще и чаще. Театр умер? Или да здравствует театр?!

— На этот вопрос у меня уже существует какой-то определенный ответ, потому что он сформулировался и сложился не сегодня и не вчера. Театр сделал свое дело, причем огромное. То, что мы сейчас переживаем, предсказано всем творчеством Таганки, еще давным-давно, этак с четверть века назад. Так что в этом смысле мы живы, живы и в другом — театр умеет обновляться, а это — главное. И один из тех, кто громче всех прокричал-прохрипел правду о времени, был он, стоящий за моей спиной, не бронзовый, а живой Владимир.

08.08.1972. На студии увидел Высоцкого. Отдыхает с Мариной на Рижском взморье. Там же где-то и Дупак с Райкой. Передал Дупаку письмо студии о разрешении мне сниматься в «Воспоминаниях».

10.08.1972. Очень мне понравилась пара Бондарчук — Бурляев. Это было приобретение для картины необходимое, усложнение ее. Особенно в сочетании с таким Васильевым. Но в стране и у нас в искусстве происходит какая-то чертовщина. Вдруг Бурляеву запрещают сниматься в положительных ролях. «Не соответствует идеалу положительного героя». Что за хреновина — понять невозможно. Еще как-то можно, хотя тоже полный идиотизм, понять и объяснить, когда Володьке Высоцкому лепят подобные ярлыки, вроде за его «бандитские, блатные песни», но при чем Бурляев?

60 съемочных дней — Любимов взбесится. У Высоцкого две картины, у Золотухина, наверняка снимаются Галкин, Филатов, Полидеймако... Вообще скандал назревает жуткий.

— Давайте, поклонившись Владимиру Семеновичу, все же вернемся к его другу, Золотухину, Высоцкий простит нас.

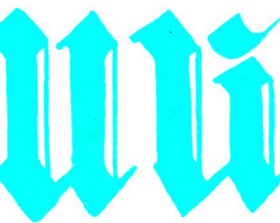
— Да, он умел прощать... Что касается

...ому, плохую услугу.
...браться из ампулы Шу-

...браться, как я иногда не
...Бумбараша». Да, да, так и
...этого Шурика выскочить.
...стался. А он актер огромно-
...огромных возможностей.
...вначале сыграл старшину
...Хозяина тайги», а уж потом
...живу на первом этаже и вот
...м слышу разговор моего
...ем. Тот у него спрашивает:
...Бумбараш?», а Сережа
...мбараш». «Он что, живой
...!» Потом выяснилось, что
...мана Карцева.

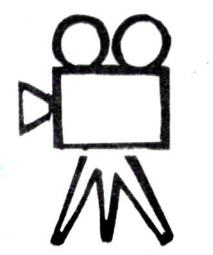
...? Было и приглашение в
...». Меня тоже не утвержда-
...дмитрий Александрович На-
...моим крестным отцом в
...е, на третьей пробе ска-
...давай мы тебя перекра-
...ыкрасили в белый-белый
...на худсовете заговорили:
...ерой гражданской войны,
...ой, а вот теперь — да». И
...еще сказал: «Возьми в рот
...олучился такой Лель бело-
...героем гражданской вой-
...ой первый фильм. Второй
...ия», пролежавший на пол-
...ан был к 50-летию Советс-
...ы: к 70-летию — власть

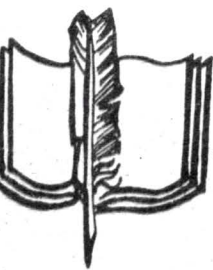
ВЫСОЦКИЙ: Валера, я
хочу играть... Я большой
сле «Гамлета» и «Гали-
ен... Это сделано в таком
и, в таком ритме — я схожу
егрузок... Я помру когда-
когда-нибудь помру... а
но еще больше, а у меня
егаю как загнивший заяц
навесу. На что мне это

Д
Р
У
Т

А
Д
А
М
С
М

нужно?... Хочется на год бросить это
лицедейство. Это не профессия... Хо-
чется сесть за стол и спокойно попи-
сать, чтобы оставить после себя что-
то.

ХОЗЯИН С ГАРМОШКОЙ

— Валерий Сергеевич, а почему вас
отлучали от кино? Из-за чего это про-
изошло?

— На премьере «Бумбараша» я ска-
зал: «Вот лежит «Интервенция», проле-
жал на полке два-три года «Андрей Руб-
лев», вышел — и никакой революции не
произошло, понимаете? Зачем лежит
«Интервенция»? Кто решает судьбу
фильмов?... Так вот, когда я произнес
эту речь, на следующий день был звонок
в театр и на два года мне запретили сме-
няться. На фильме «Интервенция» мы
снимались с Володей и дали клятву, что
друг без друга не будет сниматься...

— Но табу после «Интервенции» все
же сняли, как я понимаю. Появился «Хо-
зяин тайги». Кстати, на гармошке в филь-
ме вы сами играете, али как?

— Сам. Во всю ивановскую. А гармош-
ка появилась благодаря Володе. Он насто-
ял.

24.12.1972. Вчера был прогон
«Пушкина» для «умных людей».
«Умные люди» хвалили, это шеф слу-
шал. Как только дело касалось заме-
чания какого-нибудь, тут же пере-
бивал, грубо, бестактно...

— Он никого не слушает, он никому
не доверяет... А мы хотим, чтобы он к
нам иногда прислушивался... Мне
было стыдно, я просто в ужасе был
вчера, мне хотелось подать заявле-
ние об уходе, — сказал мне Высоцкий.

А шеф сказал:
— Вы мало вкладываете в спек-
такль, вы во многом недобираете... И
Владимир тоже... От вас я вправе
требовать большего...

То же самое он сказал Володке, в
тех же выражениях, с той же мими-
кой. Он занял позицию — все отвер-
гать и утверждать свое.

В театре скучно. Все это мне не
нравится. Любимов делает свое,
крепко и надежно. Спектакль будет
интересный, но артисты останутся в
той тени, против которой Высоцкий
восстает:

— Хотя бы видно было артиста,
элементарно осветить лицо... Я
«мало вкладываю»?! Может быть. Я
не вижу, куда мне вкладывать. Скуч-
но стало мне работать на театре.
Весело, правда, никогда особенно не
было. Единственно на десятилетие —
Кузькин. И форма утеряна, и беречь
себя не для чего. Впереди «Туран-
дот», Островский...

Высоцкий все чаще раздражает-
ся, хочет выйти из «Пушкина», хочет
на год-два вообще бросить театр,
игру, сесть и писать. Ему понрави-
лась моя последняя шутка. Он сове-
тует мне писать роман. А на кой мне
роман? Я потихоньку буду себе кро-
пать такие вот лирические повес-
тушки, которые и составят роман о
моей жизни.

— Вспомните, пожалуйста, какие-
либо курьезы, забавные случаи из своей
актерской жизни.

— Да, любопытного было много. Ну
вот хотя бы в том же фильме «Хозяин
тайги». Приехали на обед, я форму не
снял. Прибыли в столовую, а тогда
еще везде на розлив — пожалуйста.
Ребята затеяли какой-то дебош, пота-
совку. А наши консультанты-милици-
онеры настоящие были одеты в граждан-
ское. Они и говорят мне, мол, иди разби-
райся, а мы сейчас посмотрим тебя в
деле, участковый. Я с дрожжащими нога-
ми, но, слава Богу, в галифе это было не
видно, подошел к ребятам, так это серь-
езно поговорил, представился — участ-
ковый Сережкин — будьте любезны,
освободите общественное место. Гово-
рил с ними спокойно, но волновался.
Они видели, что я при кобуре, хотя пис-
толет был пустой. Но с задачей вроде бы
справился. Так оценили наши консуль-
танты.

**«ДРЕБЕЗГИ»
ОТ «СОЮЗКНИГИ»**

— Вы родились, если мне не изменяет
память, на Алтае?

— На Алтае, в 60-ти километрах от
Сростков, видите: коллега, друг, това-
рищ, партнер у меня был Высоцкий, а
сосед по Алтаю — Шукшин. Я в окруже-
нии великих людей. У меня мама так
всегда говорила: «Треться о золото —
сам золотым станешь...»

21.12.1972. Высоцкий подарил мне
шапку нерповую, сторублевою:

— Ты должен последить за собой, а
то это несколько смахивает на клоу-
наду... уже...

12.01.1973. Вознесенский зовет с со-
бой в Томск. На несколько выступле-
ний во Дворце спорта. Высоцкий не
советует:

— Зачем ты будешь при ком-то, кто
бы это ни был? Не надо! Ты сам — Ва-
лерий Сергеевич.

— Бывали ли вы когда-нибудь в Став-
рополе, который хорошо помнит Влади-
мира Семеновича?

— Не был ни разу. Но я бы с удовольст-
вием приехал. Я сейчас, с вашего позво-
ления, сделаю рекламу такую. Если
Ставропольская книжная торговая база
или ваша фирма закупит на центральной
оптовой торговой базе «Союзкнига» оп-
ределенный тираж моей новой книги
«Дребезги», то...

— А она уже есть?

— Она еще не есть, она еще не собра-
ла тираж, но она печатается. Книга ком-
мерческая, там впервые в жизни я ре-
шил, рискнул напечатать свои дневники,
связанные с Высоцким, они очень риско-
ванные, потому что писались тогда, ког-
да мы сегодня, например, выпили, а
вечером я уже записал. Центр творчес-
ких встреч, который выпускает эту книгу,
поставил на нее цену 10 рублей. Так вот:
если ваша фирма сможет закупить в
«Союзкниге» тысяч 20 тиража, то я при-
ехал бы на презентацию книги и с удо-
вольствием бы встретился с читателями
и зрителями, и со всеми, кому интересно
со мною встретиться.

**ПРОСНУЛСЯ
С ФРАНЦУЗСКИМИ
ТУФЛЯМИ**

15.01.1973. После распевки у меня
садится голос. Не своим пою, навер-
ное. Высоцкий не ходит на эти заня-
тия. И меня спрашивает:

— А зачем ты ходишь? Тебе разве
не хочется вместо этого сесть за стол
и привести в порядок кое-что из
своих записей?

Мы еще долго разговаривали с
Валерием. Вдруг его кто-то громко
позвал: «Ва-ле-ра! По телевизору
— «Бумбараш».

— Да?! — воскликнул он. —
Пошли взглянем.

И мы спустились на вахту. Я
смотрел то на Золотухина, то — на
экран, где он уплетал мед. А он со
счастливым лицом был весь там, в
«Бумбараше», и, наверное, в кото-
рый раз переживал за своего героя
и улыбался, улыбался...

Сердце екнуло: я-то знал, что Ва-
лерию Сергеевичу вот-вот испол-
нится пятьдесят. Ну а вдруг? Вдруг
на Таганке — во всю мощь! — зара-
ботала «машина времени»? И тог-
да за спиной моей раздадутся не
шаги Командора, а голос Гамлета-
Высоцкого...

27.01.1973. Что тут было? День
рождения Володи. Были у него. Ма-
рина привезла пленку с записями
своими. Ну, хорошо. Утром проснул-
ся с французскими туфлями.

Культпоход на Таганку совершил
большой любитель походов по тайге,
наш спецкор Борис СМОЛЬ. Во время
культпохода в злоупотреблении слу-
жебным положением замечен не был,
наоборот — был поощрен Валерием
Золотухиным, одарившим «45» отрыв-
ками из своей интереснейшей книги.
Актер и писатель отважился даже по-
позировать нашему спецкору: сним-
ки, как и интервью, удались. А поспе-
ди редактор «45» награждает Бориса
СМОЛЯ турпутевкой в Красноярский
край, в район речек Мана и Мина.

В
И
Ж
И
Л
И
Н
И
Л

Чолос — это те,
кто любит
околачиваться
с соседними
парнями
в своем
районе,
организуясь
в шайки.

**ОДНА
СРЕДИ ЧОЛОС**

«Фотографировать людей — это
увлекает меня больше всего. Я
люблю делать такие снимки, на
которых вся жизнь человека отра-
жена в его лице, позе», — так гово-
рит о своем творчестве американс-
кая фотохудожница Делла Росса
из Лос-Анджелеса.

В отличие от многих ее коллег —
представительниц слабого пола,
Делла Росса мало снимает пейза-
жи, постановочные жанры. Ее сти-
хия — улицы Лос-Анджелеса, осо-
бенно в районе, где живут латино-
американцы. Она снимает чолос.

Чолос — это те, кто любит окола-
чиваться с соседскими парнями в
своем районе, организуясь в шай-
ки.

Этот пласт американского об-
щества Росса изучает через объек-
тив своего фотоаппарата уже де-
сят лет. Что влечет ее к столь
необычной теме? «Моя задача как
художника, создающего зритель-
ные образы, состоит в том, — счи-
тает фотомастер, — чтобы понять
и документально зафиксировать
их, ничего при этом не облагора-
живая и не очерняя».

Добавлю, что не каждый мужчи-
на решится на подобную тему.
Снимать уличные шайки — дело,
прямо скажем, довольно-таки рис-
кованное. И трудно представить
эту хрупкую семидесятилетнюю
женщину в необычной и небезо-
пасной субкультуре американс-
ких трущоб, нутро которых она
решилась показать миру.

Делла Росса много рисковала.
Но, видимо, благородство ее жела-
ний и бесстрашие внушили мест-
ным парням уважение к фотогра-
фу. Теперь она — свой человек
в их районах. Хотя постоянно ис-
пытывает боль оттого, что нередко
приходится становиться свиде-
телем насилия и смерти, которые в
повседневности молодежных шак
в порядке вещей.

Не могу не склонить голову пе-
ред мужеством этой обаятельной
женщины, добровольно взвалив-
шей на себя столь тяжкий груз
необычного жанра.

Удачи вам, Делла Росса!
Александр ВОЛКОВ,
фоторедактор «45».

НА СНИМКАХ: миг жизни фото-
мастера; Делла Росса у стенда сво-
их работ на советско-американс-
кой выставке в Рязани.

В
И
Ж
И
Л
И
Н
И
Л

Может!

И ЭТИ ТУДА ЖЕ

По сведениям, полученным из хорошо информированных источников, в школах города Второмайска (Февральская АССР) начался массовый выход учащихся младшего школьного возраста из рядов октябрят. Одновременно в горисполком поданы документы на регистрацию январят, февральят, мартят, апрельят, маят, июнят, июлят и т. д.

По непроверенным, но и никем не опровергнутым данным, среди последних, в свою очередь, намечается раскол на фракции: понедельникков, вторникчиков, средач, четвергят, пятниц, субботач и воскресят.

В детских яслях города, между тем, громко заявляет о себе партия нового типа, партия будущего, 1992 года — партия высокосников.

КОНВЕРСИЯ — ШКОЛЕ

Хорошо известно, какой популярностью на рынках Запада пользуются предметы туалета военнослужащих Советской Армии.

Предприимчивые николаевские* кооператоры, связавшись с руководством Минобороны, по некоторым сведениям, уже получили «добро» на значительную партию военных тканей, пуговиц, фуражек, ремней и т. п. Как сообщили «45» лица, близкие к официальным источникам, соответствующий Госкомитет готов заключить договор с кооперативом на комплектную поставку в школы, лицеи и гимназии России новеньких школьных мундиров, кирзовых сапожек и полусапожек, выполненных на уровне выше мировых образцов. (Для справок: школьницам галлифе выдаваться не будут).

«ХОРОШИЕ ДЯДИ»

В издательских центрах страны ведется напряженная работа по выпуску новых книг для детей. Стартовый том одной из первых серий содержит краткое жизнеописание первого Президента России. Под твердой обложкой размещаются мягкие, полные светлого юмора рассказы, интервью свидетелей босоного детства Бориса Николаевича.

Серию, рабочее название которой «Хорошие дяди», предполагается перевести на основные языки мира и распространять в странах «Семерки», а также на территории 9+1.

Досье на Хасбулатова Р. И. подбирается.

С этой глобальной стратегической издательской инициативой выступил один из коммерческих центров города, в котором отшумела комсомольская юность первого Президента страны.

(Разыскания «45»).

* Имеется в виду председатель кооператива — Николай Н.

Александр Некрасов способен писать стихи в любой технике — от венка сонетов до гекзаметра. Не поэт, преподаватель русского языка и литературы в одной из средних школ Ставрополя, помогает десяти-одиннадцатилетним сочинителям. Наиболее несолидную нетленку некрасовцев мы сочли возможным использовать вот туточки. Слегка разбавив ее фразами, которые Анна Чеснокова, ныне — ставропольский библиотечарь, осмелилась пролепетать 16 лет назад, в эпоху густого застоя и розового детства.

АНЯ БЕЗГУБ. ВЕСЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Однажды мы с бабушкой поехали на огород. Я туда приехала первый раз. Конечно, я ничего не знала.

Бабушка пошла на какой-то огород. Я решила, что это наш. Я там очень много работала и вырвала весь сорняк.

Подошла к бабушке и сказала: «Хочу кушать». А бабушка внимания не обратила. Но потом сказала: «Иди, работай!» Что делать? Пошла работать. Убирала, убирала, и все как будто вылизала.

А бабушка уже домой собирается и говорит: «Посмотрю, что ты сделала». Когда я бабушку привела, она засмеялась. Я недоуменно посмотрела и спросила, почему она смеется. Она сказала, что я убрала чужой участок. Я была разочарована. Мы с бабушкой весь день смеялись над этой шуткой. Я теперь никогда не пойду на чужие дачи!

Аня с мамой сидели на заседании месткома. Ночью дочь перелезает через мать и направляется в туалет:

- Ты куда это?
- По охране труда.

Света МАРТЫНОВА.

ЧЕПУХА ПРО ПЕТУХА

Вера, Женечка и Рада Испугались петуха. Женя крикнула: «Сюда!» Вера, Женечка и Рада Побежали, побежали. Наконец они устали И присели на порог... Тут петух опять идет.

Аня входит в темную комнату: — Здесь никого из некоторых нет?

Андрей СКОРОХОДОВ.

МОЙ ВЫХОДНОЙ

В выходной день я был дома. Вдруг к нам позвонили. Я побежал открывать дверь. Там были мои друзья: Дима, Максим, Виталик и Петя. Виталик держал в руках кожаный мяч. Он сказал: «Андрей, пойдем гулять!» Я согласился. И мы вышли со двора. Дима предложил пойти в парк. И мы пошли. В парке мы увидели пятерых мальчишек. У них тоже был мяч. Мы им предложили поиграть с нами в футбол. Они согласились. Играли мы целый час, выиграв со счетом десять—два. Радостные, мы вернулись назад, во двор.

— Аня, давай-ка соберемся быстренько в ясельки и всем нос утрем!

— Нет, не надо, а то руки будут грязные, и платок большой надо.

ИРИНА КАРАТЕЕВА. ОДНАЖДЫ

Однажды теплым вечерком, Когда в траве кузнечик Лег спать, укрывшись лепестком, Задумал гном построить дом Из крохотных дощечек. Шесть раз он бегал в темный лес, Шесть раз на ель, как белка, влез, Сбивая хворостинки, А сбив, пилил, рубил, строгал, Ему никто не помогал. Но дело без заминки Все шло да шло; И наконец, Какой, однако, молодец! Работая ретиво, малютка гном Построил дом! И вышел дом на диво! И вот наш гном в своем дому Справляет новоселье, Сквозь темный лес, Сквозь ночи тьму Со всех сторон спешат к нему Любители веселья!

— Аня, ешь кефир, ешь!
— Ешь! Ха! Кефир — это же не еда, а пиво!

Оксана МУШЕВКА.

МОИ ДРУЗЬЯ

У нас дома живет собачка. Его зовут Дикюля. Папа принес его прошлым летом, когда он был еще маленький. Сейчас он уже вырос. Ему девять месяцев. Я с Диком хожу гулять. У нас еще живут два кота и одна кошка. Их зовут Васька, Маркиз, Айка. Маркизу три года.

С Маркизом Дик дружит. Они едят из одной чашки. Когда я играю на пианино, то Дикюля мне подпевает. Он открывает сам двери, а закрывать еще не научился. Дикюля умеет хорошо прыгать.

Когда я прихожу из школы, а папа с мамой с работы, тогда Дик начинает радоваться: бегать, прыгать.

— Вперед, за войну, за Ленина, за Чапаева!

Рита ПАНОВА.

СОБАКИ

Возле дома просто так Бродит тысяча собак: Этот пес огромный, Этот злой и вздорный. Этот, между прочим, Почернее ночи! Этот песик мягкий, белый, Этот пес — задира смелый. Этот пес не забияка — Очень добрая собака. Были б мы такими, Милыми, незлыми.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЛЕШЕМУ

Ветер снег метет со злостью, К лешему иду я в гости. Страшно... не вернуться к маме, Ну а лыжи мчатся сами. Шишку клест сорвал и сбросил,

И лечу я мимо сосен, А где ветер свищет, А где волки рыщут — Там и лешего жилице.

Пельмени разварились в кастрюле. Аня:

— Ой, а пельмени-то голенькие!

Инна БОРЦОВА.

МНЕ СНИЛОСЬ...

Однажды мне приснился сон. Подарила мне бабушка волшебный платок. Задумаешь любое желание — и оно выполняется. Думаю: «Хорошо мне!» Приходят ко мне мои друзья. Я им говорю: «У меня есть волшебный платок». Показала я платок Лене и Роме. Вдруг Рома говорит: «А давайте поплывем на необитаемый остров!» Я отвечаю: «Давайте!» Махнула я платком, и очутились мы на необитаемом острове. Лена сказала: «А что мы будем делать?» Рома подумал и сказал: «Давайте рыбу поймем и съедим!» Поймали мы рыбу, зажарили, сидим и кушаем. Вдруг я заметила, что к острову подплывает большой корабль и выходят из него три пирата. Один, худой на костылях пират подходит к нам и говорит: «Жизнь или рыба!» Я испугалась и говорю: «Жизнь». Он приказал пиратам привязать нас к дереву. А сам схватил рыбу и жадно стал есть ее. Потом он сказал: «Этих маленьких деточек я съем на обед, сторожите их, лодыри!»

Прошло несколько минут. Пираты сели играть в карты. Я думала, как же нам выбраться отсюда, потом вспомнила про платок. Я тихонько вытащила платок и махнула...

Я вскочила с кровати, потому что зазвенел будильник.

После дня, проведенного в детском саду, Аня общается с куклами:

— Звук! Если еще один звук услышу, сразу в угол поставлю. И никто не пойдет домой. И будете стоять до утра. Вот. Ох, вы! У, иди на свое место! Вот! Звук! Спать! Спать, я говорила! И будешь сидеть голодный! Еще услышу звук, и будешь... еще услышу звук, и вышвырну в окно. Вот!

Даша ХМЫЗОВА.

ХИТРАЯ ЛИСИЦА

Как-то раз в густом лесу Я увидела лису. А лиса стояла с волком И рассказывала с толком: — Вон в деревне в левом доме Есть дыра вон в том заборе, Ты тихонько подкарадься И туда ты заберись. Схватишь курицу побольше, Пожирнее да потолще, А потом со всех ног — наутек.

детский ЛЕНТ

«Ну и как?» Фото Андрея Устиновича (Феодосия).

В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ

На площади —
для всеобщего обозрения —
выставлена
Радужная Перспектива.
Рядом табличка:
«Мыслью не трогать!»

В рукописи,
присланной из
Черкесска, мы
обнаружили
афоризмы,
стихотворения и
фантастическую
новеллу,
принадлежащие
перу Алексея
Мельникова.
Позже он и сам
заглянул в «45».
«Ну что?
Выбрали?»
«На первый
раз — да».

ОБРАТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

По мере того
как растут твои годы,
паруса становятся меньше
и меньше,
превращаясь в мятые
простыни,
а затем —
в носовые платки.

ДЕНЬ И НОЧЬ

День,
запахавшись об увиденное,
становится ночью.
Ночь,
омытая своими слезами,
становится днем.

Идя в ногу со временем, не пугайся под ногами у тех, кто его обгоняет.

Война до последней капли крови начинается сразу по окончании войны до последней капли разума.

Чтобы не выплеснуть вместе с водой ребенка — переливай из пустого в порожнее.

В кабинет врача-нарколога Потапова вошел алкоголик Дроздов.
— Здравс-с-сте...
— Здравствуйте, Дроздов! Садитесь! Начинаю сеанс психотерапии! — объявил Потапов.

— Давай! — уныло сказал Дроздов. — Твоя взяла... Пока...
Нарколог набрал в грудь побольше воздуха и закричал:
— Водка — гадость! Водка — гадость! Водка — гадость, гадость, гадость!!! Повторите!

Алкоголик Дроздов вздрогнул, но твердо, как партизан на допросе, сказал:
— Я это повторять не буду!

— Почему? — удивился нарколог.
— Потому что врать — нехорошо!

— Но это же правда! — закричал Потапов. — Водка — горькая! Противная! С неприятным привкусом!

Дроздов с интересом посмотрел на врача:
— Доктор, ты это чего же такое вчера пил?

— Я вообще не пью, — гордо заявил Потапов. — Мы про водку проходили в институте...
Дроздов заволновался:

— Слушай, доктор, может, ты не про то? А? Я, конечно, понимаю — в институте проходили... А она у меня — вот туточки проходила... И никакого привкуса! Слушай, может, ты это про формалин записал? Там привкус есть. Точно. Дядя Коля рассказывал. Он — пил. А если водка хорошая — это же... Это же... как девка на морозе! Пробовал?!

— Я же вам сказал, Дроздов, — обиделся нарколог. — Я не пью совершенно.

— Доктор, да я сейчас не про водку! Ты — расслабься! Чего ты? Я имею в виду — на морозе пробовал?

— Больной! Не отвлекайтесь! И вообще, случайные связи — вер-

КАЗУС
и
фрагменты

— 15 — • 45-я параллель • 8 (17) • 91

Игорь ХАНДРЮК назвал свой снимок «Тещино солнышко». Придумайте лучше...

ный путь к венерическим заболеваниям! — закричал доктор Потапов.

Дроздов хитро подмигнул:
— Доктор, я тебя понял! Которые на молоке обожглись — дуют на воду. Угадал?

— Товарищ больной! — воскликнул нарколог официальным голосом.

— Ладно. Продолжай, — опять уныло сказал алкоголик Дроздов. — Твоя взяла. Пока...

— Мы в институте...

Но Дроздова уже было невозможно остановить:

— Я тебе больше скажу, нарколог! Все наше общество придумали с похмелья! С похмелья! Не понимаешь? Ах, я же забыл! Ты — непьющий! «С похмелья» — это такое человеческое состояние, когда внутри до того плохо, что всему миру хочется сделать гадость! Вот они и сделали! Слушай, нарколог, ты как будто не у нас

— Естественно, — спокойно сказал Дроздов. — Ну, ты сам подумай, нарколог! В одной стране может быть 22 президента? Вот ты мне теперь и скажи — чего и сколько нужно было выпить... Чего и сколько... чтобы до такого додуматься? А? Или сейчас все ходят — возмущаются: Горбачев страну развалил... А я тебе скажу, в чем дело. Скажу. Он же — непьющий. Да. Ни он, ни баба его... В рот не берут. Я же чувствую... Вот... А все дело в том, что он полез разбираться. Он же — президент. Ты же знаешь... Вот... Он хотел по-трезвому разобраться... А там же без поллитры не разберешь! Вот почему все и пошло наперекосяк. Трезвый вмешался — все! Пиши — пропало. Доктор, у нас в стране трезвый человек — хуже гриппа. Потому что не знаешь, какое от него будет осложнение...

— Хватит меня агитировать, — взмолился нарколог Потапов. — Идите... Следующий сеанс — в среду...

— В среду — так в среду, — весело сказал алкоголик Дроздов. — Твоя взяла. Пока...

Нарколог устало опустился в кресло и включил «Последние известия».

Из Москвы куда-то улетали коммунисты. Просить еды. В Москву прилетали капиталисты. Выяснить, почему испортилась еда, которую они послали коммунистам. Где-то бастовали химики, уезжали физики, голодали лирики. У посла Монголии зачем-то украли тугрики. Мафия собиралась на свой очередной Пленум. В городе Шахты люди поели в столовой номер четыре запеканки и заболели ящуром...

Нарколог Потапов повторил шепотом свою любимую фразу про водку, которая гадость, и вынул из шкафа колбочку с медицинским спиртом...

Алексей ЦАПИК

**СЕАНС
ПСИХОТЕРАПИИ**

Право первой публикации этой миниатюры автор предоставил «45», многозначительно намекнув, что скоро ее можно будет услышать по радио, а также услышать-увидеть по TV — в исполнении «сами понимаете кого...»

нарколог набрал было в грудь побольше воздуха, но Дроздов его остановил:

— Только ты, доктор, про водку больше так не надо... Я тебя прошу... Лечить — лечи, а про водку плохо говорить не надо. Некрасиво это...

Нарколог аж подпрыгнул:
— Но ведь водка — она... Она наносит непоправимый ущерб всему нашему социалистическому производству!

Алкоголик Дроздов возмутился окончательно:

— А вот это уже, доктор, полнейшая ерунда! Ты сам когда-нибудь был на этом самом социалистическом производстве? Доктор, его же придумали в белой горячке! Я тебе точно говорю! Трезвым мозгом такое придумать невозможно!

— Чего это вы такое говорите, Дроздов? — испугался нарколог.

живешь! У нас такая страна, что если долго трезвый, это — к несчастью.

Нарколог Потапов вскочил и закричал:

— Дроздов! У вас — психоз!

— Ты чего, доктор? Да откуда этому психозу у меня взяться? Я проснулся с улыбкой, выпил с добрым утречком, потом включил радио и целый день в себе свое тихое счастье поддерживаю... По чуть-чуть. А вот у тебя от этой жизни — точно психоз! Небось, когда цены подняли — психанул? А? Честно скажи! Психанул? Вот видишь! А я — нет! Потому что я твердо знаю — там все наши! Чего зря психовать? Они же по этому делу сами не знают, что завтра выкинут!

— Вы что?! — закричал Потапов. — Хотите сказать, что там все — пью...

ОСЕЛОК ОСТРЯКОВ

Один из наших постоянных авторов, Ю. П. Самойлов, на этот раз решил проследовать в кассу «45» в особо крупных размерах. Мало того что в данном номере мы вынуждены опубликовать его аннотацию к стихам Миши Шмырова, запись монолога Ефима Шифрина, а также «Интервью за облаками», так еще и потратили уйму времени на прочтение ста двадцати (120!) вариантов подписей к снимку, помещенному в «Фирменном казусе»

(№ 15). Видимо, Ю. П. решил сразу «45» навалом и присовокупил к своим избранным сочинениям сына — Сергея. Без ложной скромности отметим, однако, что фирменная подпись — «Ведро» — не была превзойдена ни тандемом Самойловых, ни другими читателями.

В конкурсе ошибок «Отеческий целуль» наши рублечкопатели также не смогли обнаружить, где деньги плохо лежат. То, что в рисунке к интервью с Владимиром Познером «Один из команды чайников» (№ 15) художник, не мудрствуя лукаво, поменял местами восток и западу, не заметил никто, как и описку: тележурналист Дмитрий Крылов — во всеобщей редзапарке! — окрещен Андреем. Увы нам, увы...

ОСЕЛОК ОСТРЯКОВ

1991
ИЮЛЬ
20
СУББОТА

Урюпинская
ПРАВДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

№ 115 (12087) Газета выходит с 24 февраля 1918 года Цена 5 коп.

Центр мира, мегаполис Урюпинск. Город-пообратим. Это его хоперские казаки нагрянули в XVIII веке на будущий Нижний рынок и, нащупав 45-ю параллель, воздвигнули Ставрополь нерукотворный.

Угрюмое, облезлое здание, конкурирующее с Пизанской башней отчаянностью угла наклона. А вот начинка редакции славной «Урюпинской правды» смахивает на брокерскую контору. Обстановка в кабинетах напряжена, как силовой бетон в несилловых конструкциях. Глядя на этих дико занятых людей, становится стыдно за свой празднично-командированный вид. И все же нахожу в себе силы пойти на контакт.

- Позвольте один вопрос: могу я видеть редактора?
- Отпуск.
- Древняя Лакония умерла бы от зависти.
- А заместителя?
- Это уже второй вопрос. Его нет. Зато есть интересная информация в отделе писем. Напротив.
- Экспансивный мужчина в восторге.
- Ставрополье, благодатный край, Поле Чудес! Именно, именно для вас! — И на стол ложится бланк сторублевой акции местнохоперского производства. — Вы только посмотрите: люди заинтересовались, безгранично в восторге!
- Выходя из редакции, стыда я уже не чувствовал. Удачи вам, господа акционеры!

Александр КОНОПКО.

Старший референт «45» по связям с нашненскими и ненашенскими правдами.

БАЗА ОБОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

**ОТЛИЧНЫЙ
СЕРВИС!**

Бассейн, сауны,
тренировочные
залы,
гостиница
с видом
на Эльбрус —
все это
для спортивных
команд страны.
Контактные
телефоны
в Кисловодске —
4-02-81,
4-42-45,
5-99-31.

Тренируйтесь
в городе солнца,
и вам покорятся
любые рекорды!

ИНТЕРВЬЮ

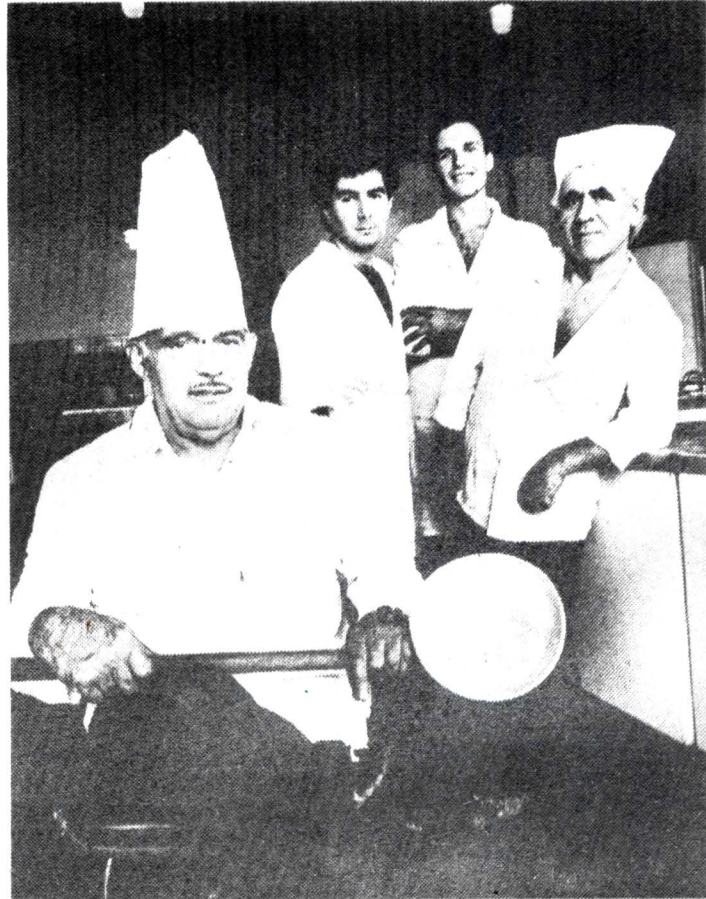
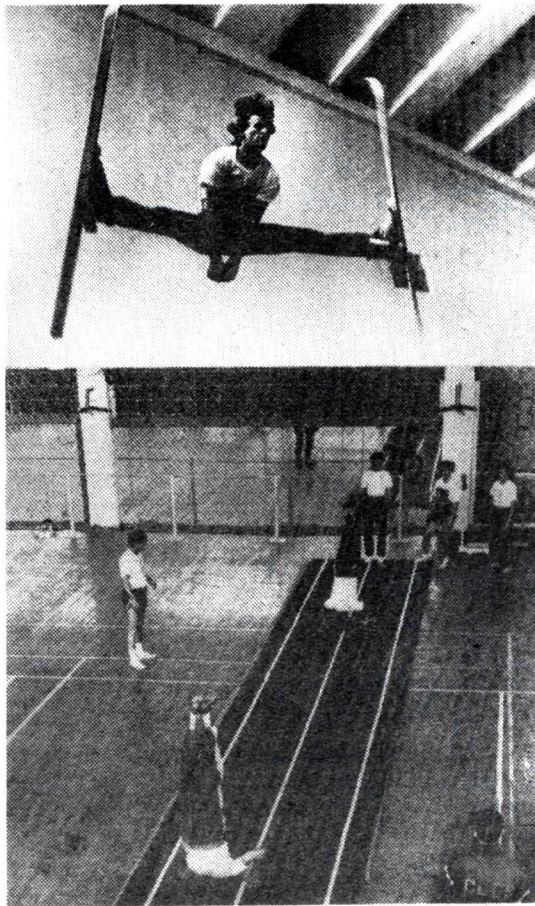
ЗА ОБЛАКАМИ

ДИЗАЙН ХУДОЖНИКА Н. СКЛЯРОВОЙ

КИСЛОВОДСКОЙ
СПОРТБАЗЕ
ОЛИМПИЙСКОЙ
ПОДГОТОВКИ

30 ЛЕТ

Вагончик «канатки» доставил на высоту 1.250 метров над уровнем моря. Здесь, на Малом Седле, была назначена встреча с директором спортивной базы олимпийской подготовки Госкомспорта СССР Леонидом Филимоновым.

В прошлом он побеждал и становился призером на всесоюзных, республиканских, международных соревнованиях. Короче, в большом спорте — свой человек. А начинал здесь же, в Кисловодске. И, впервые стартуя 30 лет назад на местном стадионе, представить не мог, что когда-то возглавит базу олимпийской подготовки.

— Леонид Сергеевич, давайте вспомним все сначала. Как прописались на Кислых Водах советские олимпийцы?

— В 1961 году здешний стадион и гостиница были подчинены «Трудовым резервам». На карте города появилась центральная спортивная база этого общества. Заметными событиями стали открытие плавательного бассейна, зала модульного типа, где проходили тренировки сборных команд страны, местных спортсменов...

В 1973 году начала работать канатная дорога. Это позволило в считанные минуты добираться из курортного парка на плато, где строители возвели тренировочный комплекс. Но, знаете, лучше один раз увидеть.

И Леонид Сергеевич познакомил меня с огромным сооружением, где было все: великолепный отель, из окон которого открывался вид на Эльбрус, уютная столовая, бар, сауны, душевые, прекрасно оборудованные залы — тренируйтесь на здоровье! Уникальный климат, хрустальный воздух, незабываемые ароматы полевых цветов — все настраивает на победу. И, думается, это база была, есть и будет кузницей новых рекордов.

— В дни юбилея давайте вспомним тех, кто отдал спорту долгие годы, чья жизнь так или иначе связана с вашей Олимпийской.

— Список имен займет слишком много места. Это Шалва Александрович Гавашели, Николай Григорьевич Слесарев, Борис Захарович Коронный, Константин Дмитриевич Митько, Рафаил Азатович Григорян, Анатолий Степанович Мосиенко, Галина Александровна Шафрова, Иван Михайлович Маклаков, Нина Петровна Мещерякова, Феликс Дмитриевич Ароян и многие, многие другие...

— А о чем мечтаете? Какой вы видите базу к началу третьего тысячелетия?

— Требования к подготовке спортсменов растут. Условия проживания, тренировок должны соответствовать международным стандартам. Будем строить новую многоэтажную гостиницу с сауной, рестораном, откроем атлетический клуб, крытый теннисный корт. Это все мы планируем соорудить на проспекте Победы. А вот здесь, на Малом Седле, появятся плавательный бассейн, новые спортивные залы, уютные коттеджи, конно-прокатный пункт.

— Приятная перспектива. А сегодня...

— А сегодня мы тоже готовы принять любую спортивную команду — футболистов, волейболистов, борцов, гимнастов, боксеров, легкоатлетов... Примем всех, кто пожелает отдохнуть у нас, провести тренировочные сборы. Милости просим! Наши контактные телефоны в Кисловодске — 4-02-81, 4-42-45 и 5-99-31. Мы гарантируем высокий сервис в любое время года.

...Да, у этой базы особое назначение — готовить спортсменов к стартам и поединкам, к победам и рекордам. Три десятилетия коллектив достойно справляется с этой задачей.

Интервью на базе особого назначения взял
Юрий САМОЙЛОВ.

Кисловодск, Малое Седло

Начало войны для Александра Исаевича Солженицына вряд ли можно назвать вполне удачным. Вместо желанной артиллерии он со своим университетским образованием оказался... в обозе.

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «Время для Солженицына как бы остановилось. Запрягать лошадей, да еще находись в глубоком бою... Это — когда пала Керчь. Когда идут особенно жесткие бои на Ростовском направлении. Его всегдашние жизнерадостность и оптимизм сменились апатией, безразличием ко всему... Ему хотелось только окончания войны, чтобы вернуться к своим старым занятиям.»

Вскоре Солженицына направляют в командировку, в штаб Сталинградского военного округа, и его судьба круто меняется. Диплом математика наконец был оценен по достоинству и его владетель получил направление на артиллерийские курсы, распрощавшись с «лошадиной ротой».

Позже он напишет Решетовской: «Родная Наташенька! Пишу впопыхах, со станции Кострома. Только что зачали приказ о выпуске. Частично уже обмундировался, частично дообмундируюсь завтра. С Костромой все счета покончены. Твой лейтенант».

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «В начале ноября 42-го года он прибыл в Саранск. В этом городе, который он характеризовал как «три домика на ровном месте», формировался 796-й отдельный артиллерийский разведывательный дивизион — ОАРАД. Командиром дивизиона был назначен Пшеченко, заместителем по политической части — Пашкин. Солженицына назначают заместителем командира батареи звуковой разведки. И почти тотчас же командиром батареи».

Случай свел меня с Графчиковым, старшиной этой батареи. Сейчас Николаю Петровичу 82 года, он на пенсии. Но на вид это вовсе не старик. Сказывается, видно, спортивная молодость, когда Графчиков работал акробатом в цирке. А потом была война...

«Воспоминания Натальи Решетовской, первой жены А. Солженицына, приводятся по ее книге «В споре со временем», присланной специально для «45-й параллели». Выход в свет в Москве — для продажи исключительно за границей. — Б. С.

Из беседы с ГРАФЧИКОВЫМ

Бывший старшина Николай Петрович Графчиков.

— Призвали меня в августе 1942 года. Когда приехали на место, оказалось, что это был Саранск. Нас разместили в военном городке. Сюда прибыло много народа. Формировался 794-й отдельный армейский разведывательный артиллерийский дивизион. (В своих воспоминаниях Н. Решетовская пишет, что формировался 796 ОАРАД. Однако в военном билете № А-96682 Н. Графчикова значится 794 ОАРАД резерва Главного командования — Б. С.)

В январе 1943 года формирование завершилось. Наша батарея должна была заниматься звукометрией. В 794-й дивизион входило четыре батареи. Нашей командовал лейтенант Солженицын, и я был у него в непосредственном подчинении. Так что ели из одного армейского котла, за одним столом сидели. Были и еще командиры: Овсянников, как его звали — не помню (Овсянникова звали Виктором, это он сменил Солженицына после ареста. — Б. С.), Ботнев и воентехник Криштопович. Ну, а я был старшиной-санитаром.

— Николай Петрович, — прошу собеседника, — расскажите о Солженицыне. Каким он был командиром?

— Очень строгий, неразговорчивый. Знаете, натянутый такой всегда. Был очень грамотный, это его отличало от всех. А вот когда нас уже отправляли на фронт, он всегда что-то писал и писал, но что, я не знаю...

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «Порой главная тема в письмах мужа отнюдь не война, а литература. Я узнала, что наряду с сюжетами двух новых рассказов у него в голове выстраивается «чудесная третья редакция «Лейтенанта» (Солженицын поручал переписывать ее своему бойцу А. Кончицу, ныне проживает в Светлогорске Гомельской области. — Б. С.)»

...Офицерство, командирская должность начинали отрицательно сказываться на характере Сани. Солженицын писал — и не без видимого удовольствия,

Продолжение. Начало в номерах «45» за ноябрь-декабрь-90, январь-март, июль-91.

что не успеет он доесть кашу из котелка, как несколько рук протягиваются его помыть, а с другой стороны несут уже готовый чай. Он не успевал наклониться за упавшей вещью. Но все это отступило на задний план, как только мы узнали, что после долгих «ничего существенного не произошло», в начале июля начались бои на двух направлениях: Орловско-Курском и Белгородском. И вдруг в самом огне битвы — третья встреча друзей... Кона (Н. Виткевич. — Б. С.) написал о ней коротко: «9.7.43. Мимозадром я был у него. Прокалякали ночь напролет, а с рассветом я двинулся к себе домой. Саня за это время сильно поправился (...) Все пишет всякие турусы на колесах и рассылает на рецензии...»

Из беседы с ГРАФЧИКОВЫМ

— Много он писал, — продолжает Графчиков, — а рукописи отправлял с фронта со старшим сержантом Ильей Соломиным, это помню хорошо. Соломин ездил, по-моему, в Ростов, там, говорили, у комбата жена была. Раза два уезжал Соломин по приказу комбата.

Вскоре после того, как Соломин возвратился из Ростова в очередной раз, к нам на фронт приехала жена комбата. Это было где-то в Белоруссии. Уже не помню точно. Знаете, нас же часто перебрасывали с места на место. Сегодня здесь, а завтра у черта на куличках. И батареи всего дивизиона по разным местам. Мы только знали, что у нас происходит. Так вот. Приехала жена нашего комбата. Худенькая такая женщина, небольшого росточка. Я как-то ее видел — уже теперь — по телевидению. Узнал. А тогда жили они в землянке. Недалеко от батареи. Комбат всегда себе рыл землянку подалее от всех, метров за двадцать.

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «Однажды ночью, часа в три, меня разбудил мамин голос: «Наташа, сержант приехал!» Вскочила, набросила халат поверх сорочки, вышла в нашу первую, большую комнату. На пороге — молодой военный, в шинели, зимней шапке, с рюкзаком за спиной... Знакомился... Накормили его и уложили отсыпаться...»

...Сержанта звали Илья Соломин. Он привез мне гимнастерку, широкий кожаный пояс к ней, погоны и звездочку, которую я прикрепила к темно-серому берету. Вручил мне красноармейскую книжку, выписанную на мое имя. Дата ее выдачи свидетельствовала, что я уже некоторое время служила в части. Было и «отпускное удостоверение». Я успокаивала себя мыслью, что фронтовому офицеру за этот маленький «спектакль» ничего не делают. Тем более что я собиралась остаться служить в Саниной части до конца войны...

— И вот мы вдвоем с мужем. В его землянке. Не сон ли это?

— И так я пробыла у мужа три недели. Я была еще в пути, когда началось грозное наступление в Белоруссии».

Из беседы с ГРАФЧИКОВЫМ

— Николай Петрович, а на каких фронтах ваша батарея воевала?

— Мы были в составе 1-го Белорусского фронта, 2-го, 3-го, затем — на Курско-Орловской дуге долго стояли в обороне, до прорыва. Собственно говоря, боев у нас никаких не было. Ведь мы обслуживали технику. Станция, которую мы обслуживали, стояла, как нам говорили, 36 тысяч золотом.

Располагались мы всегда позади пехоты. Мы же разведка, и занимались в основном сбором необходимых данных для войск. Так что в атаку не ходили. Наша задача — только засечь орудия противника.

— А как комбат общался с подчиненными?

— Я уже говорил, очень сухо. Может, ему некогда было, потому что он всегда что-то писал и очень много работал. Правда, у меня один момент еще с тех пор из головы не выходит. Рация в батарее была запрещена, а у комбата была какой-то радиоприемник. Это нам говорил радиомеханик Метлин. Сколько лет прошло, а помню его.

— Что же он с этой рацией или радиоприемником делал?

— А откуда мы знаем. Может, слушал что... У нас ведь в ночь выставляли посты. Часовые, бывает, ходят, а у комбата что-то «пиликает»...

Отступление. Версия ГРАФЧИКОВА

— В 45-м, в конце января, мы были уже в Пруссии, где-то за Кенигсбергом. И вот однажды вечером прибыли в какой-то поселок. Вся наша батарея во главе с комбатом. Больше никого не было. В общем, разместились кто где, как могли. Кто на полу, я на какой-то тахте. Комбат тоже где-то нашел себе место. Только собрались отдохнуть, нас подняли по тревоге — по машинам, вперед. Прибыли мы в большой барский дом, там какие-то конюшни, баракки были. Станцию свою мы вытащили из машины, поставили около окошка, возле дверей в каком-то помещении. Подключили провода, и связисты поперли катушки с проводами. Проходит

«Он отозван из нашей части. Зачем и куда, сейчас не могу сообщить. Я знаю только, что он жив и здоров и больше ничего, а также, что ничего плохого с ним не будет...»

Арест. Версия

СОЛОМИНА

...9 февраля 1945 года старший сержант Соломин зашел к своему командиру с куском голубого плюща. «Я сказал ему, — вспоминает в разговоре с Н. Решетовской много лет спустя солидный инженер Соломин, — у меня ведь все равно никого нет. Давайте пошлем Наташе, блузка выйдет...» В тот момент вошли в комнату двое. Один говорит: «Солженицын Александр Исаевич?

КОРНИ И

Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН:

время, связи нет. Послали резервных связистов, опять связи нет. И тут командир Овсянников командует: «Давай, сворачивай!» Сразу провода отсоединили, станцию упаковали.

И когда ее вынесли на улицу, тут заметили, что комбата нет. Никто не знал, куда он делся. Представляете, поднял батарею по тревоге без приказа командования. Мы продвинулись вперед километра три от того места, где расположились на ночлег. Без ведома и разрешения командира дивизиона капитана Пшеченко (Пшеченко в настоящее время нет в живых — Б. С.).

Под обстрелом вернулись мы на старую позицию. Все, конечно, взбудоражены происшедшим. Ботнев здесь, все здесь, а Солженицына нет. На второй день к вечеру мы все около станции, командиры куда-то ушли. Смотрим, идет в наше расположение комбат, с ним двое из группы СМЕРШ. Подходят к нам, спрашивают: «Кто старший?» Я, значит, докладываю: «Старшина Графчиков, старшие командиры временно отсутствуют». — «Выделите двух человек для сопровождения в штаб», — и показывают на комбата. Рядом стоят Галкин, связист из Гаврилов-Яма Ярославской области, я его хорошо помню, а второго забыл. Вот они и пошли сопровождать комбата в штаб. (Я позвонил в Гавриловский военкомат, но ст. лейтенант С. М. Юрениа документов на связиста Галкина не нашел. Галкины есть, но в указанном подразделении не служили. — Б. С.)

— Когда сопровождающие вернулись обратно, я спрашивал у Галкина, как там комбат? — продолжает Н. Графчиков. — «Комбат ходит без погон, без ремня». Это был 1945 год, февраль.

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «То ли 10-го, то ли 11-го апреля почтальон принес письмо от Соломина. Писал Илья не мне, а маме, что само по себе было странным. Пугающе звучало уже начало письма: «Сейчас обстоятельства сложились так, что я должен Вам написать. Вас, конечно, интересует судьба Сани, почему он не пишет и что с ним...»

Но дальше успокаивал:

Расположение батарей капитана Солженицына под Бобруйском. Второй слева — старшина Графчиков. 1944 год.

Вы нам нужны». Они вышли. Какая-то сила толкнула меня выйти следом. Он уже сидел в черной «эмке». Посмотрел на меня, или мне показалось, таким долгим взглядом... Сам не знаю почему, победил я к его машине. Там (ял ящик из-под немецких снарядов. Раскрыл. Книжки... Он собирал наши книги 20-х годов. Под ними — немецкие какие-то. Перевернул обложку на одной, смотрю — портрет Гитлера. Представляешь? Конечно, для него это была просто любопытная трофей, но законы военного времени...» (Позвонил в Москву Н. Решетовской, я хотел узнать о судьбе Ильи Соломина. Она мне сообщила, что он года четыре назад выехал в США — Б. С.)

Из беседы с ГРАФЧИКОВЫМ

— Как вы считаете, почему все это произошло с комбатом?

— Не знаю. Но что-то, мне кажется, остается какой-то тайной. (Тайны какой нет. В рассказе «Сквозь чад» Солженицын подробно описал эту злополучную ночь. — Б. С.) В общем, с тех пор я больше о нем и не слышал ничего...

Прошло много лет. Я тогда р. слесарем в Комарово, в Доме творчества писателей. Прихожу как-то проверить батареи парового отопления, а там писатели между собой, слышу — Солженицын, Солженицын. Я в перерыве подхожу к Вере Казимировне Кетлинской и спрашиваю: «Сколько у нас Солженицыных, я вот в войну знал одного, Александра Солженицына». Ну, ко мне сразу в котельню все писатели стали приходиться, расспрашивать, что и как. Я все им рассказывал, что знал. Было это в 1959 году. Позже Вера Кетлинская говорила мне, что они вместе с Даниилом Граниным ездили в Рязань к Солженицыну и что Солженицын должен был приехать в Комарово. Но он так и не приехал.

— Прошло столько времени, какие события, связанные с ним, беспокоят вас?

— А какое событие? Да одно! Прочи-

та я в комсомольской газете одну статью, где рассказывали о батарее звуковой разведки — и все... О том, что он пострадал от сталинской репрессии. Какая БЗР, неизвестно. Я бы, честно говоря, плюнул бы и забыл про все. Но ведь на самом деле, ведь он нас оставил тогда при обстреле.

— Я хочу еще раз уточнить, это было в 1945 году, в феврале?

— Да, мы оказались в ловушке, и по его же вине, а он исчез. Вот и весь разговор.

Вспоминает РЕШЕТОВСКАЯ: «Первые годы своего заключения, особенно первые месяцы, он был чрезвычайно удручен своей участью. Какое-то время он надеялся на амнистию в связи с одержанной Победой. Амнистия действительно вышла, но она не коснулась 58-й статьи, то есть политических заключенных. Александр Исаевич решает хлопотать о себе

ражден орденами: Отечественной войны II степени и Красной звезды.

Командир разведдивизиона подполковник ПШЕЧЕНКО. С характеристикой согласен. **Командир в/ч генерал-майор артиллерии ТРАВКИН.** 28/4 1946 года.»

Б. С.: Эта характеристика не помогла, и 25 августа 1947 года Солженицына оповестили, что оснований для пересмотра дела не найдено...

Николай Петрович Графчиков, когда я прочитал характеристику его бывшего комбата, продолжал отстаивать свою версию (разговаривали мы с ним уже по телефону):

— Да как же так?! — негодовал бывший старшина. — Я же рассказывал вам, как все было. Ну, зачем мне врать? Ведь я был свидетелем всего. Может, кто думает, что я выжили из ума, но, вы меня извините, я в полной памяти!

гоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы — арестованы!..

...Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления и, угнетаемые дрожанием стекла от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу...

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной...

— У вас..., — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслышанную опрометчивость комбрига...

... Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и я понял, по каким линиям ждать опасности. (Это была переписка с Николаем Виткевичем. Переписка между двумя участками фронта в военное время. — Б. С.)

...Содержание одних наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих: от момента, как они стали ложиться на стол оперативников цензуры, наша с Виткевичем судьба была решена, и нам только давали довоевывать, принести пользу. Но беспощадней: уже год каждый из нас носил по экземпляру неразлучно при себе в полевой сумке, чтобы сохранилась при всех обстоятельствах, если один выживет, «Резолюцию № 1», составленную нами при одной из фронтовых встреч. «Резолюция» эта была — энергичная сжатая критика всей системы обмана и угнетения в нашей стране»...

Борис СМОЛЬ.
Спецкор «45».

Фото и фоторепродукции автора.

Р. С. Рассказ Графчикова имеет право на жизнь, но нет никаких подтверждений его версии. Она, на мой взгляд, из разряда баек для обывателя. А вот документ из Центрального архива Министерства обороны СССР о службе **А. И. Солженицына** в Красной Армии. Такому свидетельству я не могу не верить. (Б. С.)

исп. вх. П65.

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ "45-я ПАРАЛЛЕЛЬ"
тов. Сутулову С. В.

355045 г. Ставрополь, ул. Суворова, д. 1.

на № 123/32 — даты нет

Арест. Глазами СОЛЖЕНИЦЫНА

В «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Исаевич свой арест описывает так.

«...У меня был, наверное, самый легкий вид ареста, какой только можно себе представить...»

...Комбриг вызвал меня на командный пункт, спросил за чем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и, четырьмя руками одновременно хватаясь за звездочку на шапке, за по-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ АРХИВ

Министерства обороны СССР

8 мая 1991г.

№ 5, П65

142100, г. Подольск Московской области

Сообщаем, что по архивным документам установлено следующее:

1. Служба **А. И. Солженицына** в Красной Армии
1. Октябрь 1941г. — март 1942г. — красноармеец-повозочный, 74 отдельный гуж — транспортный батальон.
2. Апрель 1942г. — декабрь 1942г. — курсант — 3-е Ленинградское артиллерийское училище.
3. Декабрь 1942г. — февраль 1945г. — командир батареи звуковой разведки — 794 отдельный разведывательный ардивизион 68 отдельной тяжелой пушечной артиллерии.
11. За героическое участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками **А. И. Солженицын** награжден орденом «Отечественной войны» II степени «Красной Звезды».

Земное руководство по выявлению группировки артиллерии противника Солженицын **А. И.** представлен к награждению орденом «Отечественной войны» II степени, в наградном листе значится:

«Командир БЗР-2 лейтенант **СОЛЖЕНИЦЫН** получил в январе 43г. не-обученных бойцов. К 1-му марта 43г. батарея звуковой разведки была обучена и готова к выполнению боевой задачи. За период май-июнь БЗР-2 под умелым руководством лейтенанта **СОЛЖЕНИЦЫНА** выявила основную группировку артиллерии противника на участке Малиновец-Сетуха — Бол. Малиновец (Орловское направление). 11.6.43г. в период операции три вражеские батареи, засеченные БЗР-2, 44 ПАБР подавила.

В период наступления наших войск 12.7.43г. вся группировка артиллерии противника, которая была выявлена БЗР-2 подавлена 44 ПАБР, что дало возможность успешно и быстро прорвать сильно укрепленную линию обороны немецко-фашистских войск».

ОСНОВАНИЕ: опись 686044, д. 147, л. 307.

В представлении к ордену «Красной Звезды» в наградном листе значится:

«В боях с немецко-фашистскими захватчиками перед прорывом и во время прорыва глубокоокопированной обороны немцев в районе севернее Рогачёва тов. **СОЛЖЕНИЦЫН** благодаря своей хорошей организации и руководству сумел обеспечить разведкой левый фланг наших наступающих частей. 24.06.44г. две батареи противника вели фланговый огонь по переправе через реку Друть и нашей наступающей пехоте. Тов. **СОЛЖЕНИЦЫН** несмотря на сильный шум сумел обнаружить эти две батареи и скорректировать по ним огонь наших трёх батарей, которые были подавлены, тем самым обеспечил беспрепятственную переправу наших войск и продвижение их вперёд».

ОСНОВАНИЕ: опись 686044, д. 4097, л. 168.

НАЧАЛЬНИК 5 ОТДЕЛА

подполковник

ДОЛГОДУМОВ

КРОНА

штрихи к биографии

Встреча на фронте **Н. Виткевича** (слева) и **А. Солженицына**. 1943 год.

лично, просить замены отбывания срока в исправительно-трудовых лагерях ссылкой...

Солженицын пишет несколько писем в свою бывшую часть. К счастью, у меня не была прервана связь с некоторыми из его однополчан (весной 1944 года я побывала у мужа на батарее). Все письма я отправляла на имя сержанта **И. Соломина**, с которым у меня не прерывалась переписка... **Илья Соломин** написал мне, что «удалось выслать Сане «путевку в жизнь». Боевую характеристику Солженицыну написал сменивший его в должности командира батареи звуковой разведки **Виктор Овсянников** совместно с командиром дивизиона подполковником **Пшеченко**. Согласована она была с **Травкиным**, ставшим уже к этому времени генерал-майором.

Боевая характеристика на бывшего командира 2звукобатареи капитана Солженицына Александра Исаевича.

В моей части капитан Солженицын **А. И.** служил с декабря 1942 г. по февраль 1945 г. В 1942, получив вновь призванное пополнение, он начал усиленно его готовить, и в феврале 1943 г. он с этим подразделением уже действовал на Северо-Западном фронте. В мае 1943 г. часть была на Орловском направлении, где начинается его настоящая боевая работа.

За время пребывания в моей части Солженицын был лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, его подразделение по боевой работе и дисциплине считалось лучшим подразделением части.

Выполняя боевые задания, он неоднократно проявлял личный героизм, увлекая за собой личный состав, и всегда из смертельных опасностей выходил победителем.

Так, в ночь с 26 на 27 января 1945 года в Восточной Пруссии при контратаке немцев его батарея попала в окружение. Гибель ценной секретной техники и личного состава казалась неминуемой. Солженицын же, действуя в исключительно трудных условиях, личный состав из окружения вывел и технику спас. За время боевой работы на фронте его подразделение выявило 1200 батарей и отдельных орудий, из которых 180 было подавлено и 65 уничтожено огнем нашей артиллерии с его личным участием. К боевой технике, к автомашинам, к оружию Солженицын относился бережно и всегда содержал в боевой готовности. За отличные боевые действия на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками Солженицын был наг-

РОЖДЕНА ВО СПАСЕНЬЕ

Диагноз «лейкемия» был поставлен **Аниссе Айала** три года назад. В таких случаях пациент обычно умирает в течение пяти лет, если ему не пересадить костный мозг здорового человека. Родители девушки, **Эйб** и **Мэри Айала**, начали по всей Америке поиск донора, чей костный мозг подошел бы для пересадки дочери. Поиск оказался безуспешным.

Айала не смирились с судьбой. От врачей они узнали, что самую большую надежду **Аниссе** дала бы пересадка от родного брата или сестры. Однако костный мозг ее единственного брата **Айрона** оказался несовместимым.

Началась отважная, сюрреалистическая, полная риска борьба. Во-первых, **Эйб** должен был подвергнуться операции сямывывающего протока, успех которой оценивался примерно в 40 процентов. После этого **Мэри** решила забеременеть в возрасте 43 лет. Шансы на то, что костный мозг новорожденного окажется совместимым, подходящим для пересадки, были 1:4. Семья **Айала** выиграла и в этот раз. В апреле 1990 года **Мэри** родила дочь **Мариссу**. Затем пришлось ждать, пока ребенок вырастет и окрепнет для того, чтобы стать надежным донором, несмотря на то, что время, отпущенное большой, уходило.

И вот хирурги Национального медицинского центра **Дуарте** в Калифорнии склонились над 14-месячной девочкой...

Началась отважная, полная риска борьба.

В течение 20 минут врачи получили почти стакан густой красной жидкости — материала для воскрешения. Затем доктор ввел его **Аниссе**. Необходимо было лишь, чтобы костный мозг попал в кровь девушки. Оказавшись в ней, здоровые клетки вводимого вещества подобно лосолю, устремленному к месту нереста, начали отыскивать путь к кости.

Дело сделано. По оценкам врачей, шансы на успех равны 70 процентам.

Драма семьи **Айала** для многих выглядела как чудо. В других же она вызвала глубокую, пусть неосознанную тревогу. В воображении возникали отвратительно жестокие видения: фермы по разведению детей, канибализм ради запасных частей. Многие увидели в этой истории близкий край скользкой наклонной плоскости, у основания которой зияла бездна.

Вызывал волнение сам факт появления на свет ребенка как средства, способа биологической подпитки. Ребенок ведь не давал согласия на то, чтобы его использовали. Родители вызвали новую жизнь и затем использовали ее в своих целях, какими бы благородными они ни были. В метафизическом плане: поддерживала бы малышка решение о собственном зачатии в подобных целях?

Словом, общественный резонанс этого уникального события показателен, что оно носит далеко не частный характер. После него этика может приобрести более сложные измерения.

В самой же семье **Айала** считают, что действовали из отчаяния и исходя из первичных истин. Жизнь должна продолжаться. Долг родителей в первую очередь заключается в том, чтобы защитить своих детей. По словам супругов, они будут лелеять обеих дочерей и благодарить PROVIDENCE, позволившее старшей из них выжить, а младшей появиться на свет.

На снимке: семья **Айала** за месяц до операции.

По материалам журнала «Тайм». Перевод **Галины БУХАРОВОЙ**. Специально для «45».

Этика может приобрести более сложные измерения.

ЛИНИЯ

**В рубрике «Гамбургский счет»
спецкор «45» Вячеслав Лобачев
беседует с поэтом
и учителем поэтов
Николаем Старшиновым
под аккомпанемент графики
Михаила Златковского.**

Наша Родина
прекрасна
И цветет, как
маков цвет!
Окромя
явлений
счастья —
никаких
явлений нет!
(Из стихов
графомана)

— Николай Константинович, ваша фамилия Старшинов. Почему у многих возникает желание сделать ударение на втором слоге?

— Семья была большая — восемь человек детей, мы себя называли Старшиновы. А когда пошел в армию, то стал вдруг Старшинным. Командиры считали, что от воинского звания пошла наша фамилия. К тому же после войны играл хоккеист Старшийнов. Поэтому чаще и называют неправильно.

— У вас в семье было уважение к стихам или вы сами открыли для себя этот мир?

— Я очень благодарен своим старшим братьям и сестре. У нас было заведено, что вечером перед сном все садились за стол и кто-то из них час, два, а то и три читал стихи. Я не знаю, кто это придумал. Мама моя, так она ни одного класса не окончила... Может быть, она? Таким образом, к 15 годам я блестяще знал русскую поэзию. Не только Пушкина, Лермонтова, Некрасова, но и Майкова, Случевского, Анненского, Фета, Тютчева. Очень любим был Алексей Константинович Толстой.

Потом, когда я пришел в институт, то мне на «русской поэзии» нечего было делать. Я помнил и до сих пор помню все, что читалось за столом. И зарубежных поэтов. Беранже — стихотворений 30, Гейне, Гете, других классиков. Я бы мог их и сейчас читать целый вечер наизусть — еще по той памяти. А лет в 13 и сам начал стихи пописывать.

— Вы были участником семинара молодых поэтов на фронте. Расскажите об этом.

— Семинар был, но мы вместе с пулеметчиком Носковым опоздали на него. Пока нас снимали с передовой, добирались до штаба, а потом на место — семинар кончился.

— Но факт, что во время войны...

— Мало того, что во время войны — перед наступлением! Как раз началась Курская битва. Наш Западный фронт отвлекал значительные силы немцев на севере. И вдруг — семинар! Какая-то деревенька, рядом топкое болото и полковник из политотдела. Очень трогательно. Но фронтовых поэтов собрали на один день, и они все уже разъехались. Мы переночевали на сеновале в штабной избе, а утром полковник с нами так по-отечески побеседовал. Правда, в литературном отношении он не очень был подготовлен. Например, он сделал мне такое замечание: «Вот у тебя написано «за рекой на пепелище», а надо «попелище». Видимо, он был с Украины, пошел — это по-украински. Он был удивительно хорошим человеком! Какие люди были!

— Не отсюда ли ваше постоянное участие в судьбах начинающих поэтов? Они идут сюда, к Старшинову как к отцу родному. За глаза вас называют «наш папа»...

— Набег совершаются регулярно. Они начались с того времени, как открыл журнал «Юность», где я работал. Через «Юность» прошли сотни людей, которые сейчас стали известными писателями и поэтами. К тому же я одновременно вел литературное объединение в МГУ. Почему там было удобно работать? Объединение мертво, если у него нет своего печатного органа. Начинаются склоки, интриги. А мы обсудили автора и сразу — в «Юность». Журнал печатает. Вот те, кто первыми пришли на ум: Костров, Сухарев, Карпов, тот же Куняев, прозаики — Немченко, Лошиц. «Самотеком» прислала стихи из Хабаровска Римма Казакова — напечатали.

И вот сейчас ко мне, к главному редактору альманаха «Поэзия», приходит масса молодых. Я даже не могу без них. Когда совсем прижмет — срываюсь на рыбалку. «А ну их всех, завалили рукописями, надо и честь знать». А проходит пяток дней — и чувствую: чего-то не хватает. Оказывается — общения и тех же самых рукописей.

Наверное, это плохо, но я привык мало спать и это с детства. Еще мальчишкой вскакивал в три часа и бегом с удочкой на реку. Так что мне хватает для сна часов пять. Я в армии, на фронте меньше других страдал от этого. Пишу только ночью. У меня квартира многонаселенная: и дочь, и внук, и зять, и... А ночью — ни телефонных звонков, никто ничего не просит, не отвлекают по разным пустякам. И потом, положение безвыходное: или работай, или спи. Вот сейчас пишу воспоминания о встрече с Ахматовой, как мы два часа сидели с ней за самоваром...

— Вы были знакомы с Анной Андреевной?

— Впервые я увидел ее вскоре после Победы. Был потрясающий вечер в Колонном зале. Там находился весь цвет нашей поэзии: Пастернак, Ахматова, Тихонов, Симонов, Мартынов. Представляете, какой состав! Какой уровень!

Я уже был студентом Литинститута. Мы прорвались на галерку. Я смотрел на Ахматову. Она вышла на сцену вся такая изысканная, томная и в то же время какая-то изнеможенная. На ней было очень красивое платье. Ахматова читала. Она очень серьезно относилась к своим стихам. А наша встреча произошла лишь в 1962 году. Я работал в «Юности» и узнал, что Ахматова приехала в Москву. Мы хотели попросить у нее стихи для журнала. Долго пытались узнать, в какой гостинице она остановилась. Оказалось, что Анна Андреевна живет на квартире у сатирика Виктора Ардова. Я хорошо знал его, и это меня удивило. Ардов был разбойником, хулиганом и матерщинником. И вдруг — Ахматова! Вся из себя утонченная, изысканная дама. Я позвонил Виктору Ефимовичу. «Я хотел с ней перекинуться несколькими словами», — «Хочешь? Пожалуйста!» — и передает ей трубку. Я представился и спрашиваю у нее разрешение на встречу. Ахматова не возражает, у нее есть время и она готова меня принять.

И вот я у нее. Я увидел совершенно другую Ахматову. Передо мной была крупная, здоровая женщина. Очень пополнила. Было лето и жарко. На Анне Андреевне платье с короткими рукавами. Бросились в глаза и полные розовые руки. В ее обличье было что-то даже купеческое. Я был потрясен и скован, а она, будто не замечая моего смущения, посадила пить чай. Сразу рассказал о цели моего визита. Ахматова возразила, да, у нее есть новые стихи, но они вряд ли подойдут для «Юности». Для поддержания разговора я поинтересовался, нравятся ли ей стихи одной поэтессы, ныне довольно известной. На что получил такой ответ: «Я не знаю, что вы носите с этой девочкой. Я ничего в ней не вижу. Вот в Ташкенте живет удивительно талантливая поэтесса Наталья Бурова — ее надо поддержать». Я знал Наташу, так как мы вместе с ней учились в институте. Наташу напечатали. Потом разговор пошел о переводах и переводчиках. И все эти два часа общения с Ахматовой я был очень скован. Ведь образ Ахматовой у меня был составлен из ее поэзии — и вдруг такие внешние изменения...

Неожиданно раздался стук в дверь, и в кабинет к Старшинову заглянул молодой человек.

— Николай Константинович, извините, вы не поставите мне зачет? — обратился тот к мастеру, протягивая изрядно потрепанную зачетку.

— А стихи когда будут?

— Сто строк за мной осталось. Вот приедете с рыбалки, допишу.

Студент Литинститута закрыл за собой дверь.

— Николай Константинович, вы, как председатель жюри международного поэтического конкурса «Глагол», верите в его большое будущее?

— Для меня это дело совсем новое и трудно предугадать, что из этого получится. Многое будет зависеть от рекламы и спонсоров. Но мне кажется, что польза от конкурсов будет огромная.

ОНИ, КАК VERITAS, ТИХИ. РЫБАЛКА, ВОДКА И

По идее хотелось, чтобы он как бы встряхнул всех поэтов. И потом — сколько призов! Честно говоря, сейчас поэтам туго приходится. Вот я в издательстве работаю и что вижу: летят поэтические сборники уже одобренные и набранные. Поэтому конкурс — это реальная возможность издать свой поэтический сборник. Мы наверняка откроем новые имена талантливых поэтов, поможем им встать на ноги. А участие в конкурсе русскоязычных поэтов всего шарика! Разве это плохо? Поэтому у меня оптимистический взгляд на конкурс.

— Вы сейчас держите руку на пульсе современной поэзии. Кто, на ваш взгляд, из молодых поэтов наиболее интересен?

— Какой возраст вы имеете в виду? 20, 30, 40 лет?.. Таких очень много. Вы помните, что Пушкин погиб в 37 лет. Начинаящий поэт Пушкин. Видите, как сместились временные градации. Вообще современникам очень трудно оценить масштаб дарования поэта или писателя. Я часто припоминаю статьи Некрасова, редактора журнала «Современник». Он вел в 1856—58 годах обзоры: «Русская литература достигла определенных успехов, но особенно нам зазнаваться нечего — у нас нет гениев». Ничего себе! Когда у нас были Пушкин, Лермонтов, сам Некрасов. У нас был Лесков, Гончаров, Гоголь, печатались Толстой и Достоевский. Выдающиеся писатели! И вот такой великий человек недопонимал, недооценивал своих современников.

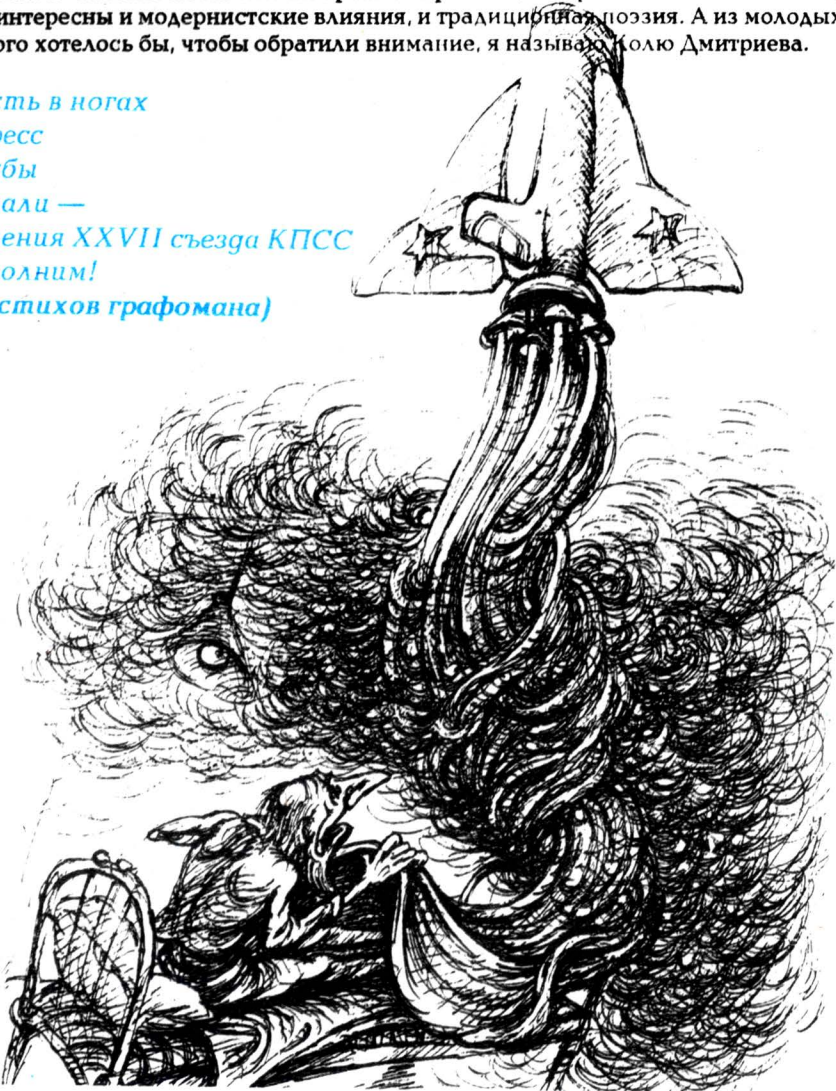
*Условия конкурса «Глагол» напечатаны в основном издании «45» № 16 за 1991 год.

...Горы разломать
И растопить
любые льдины.
Да что скрывать,
егрена мать:
Народ и партия
едины!

Одно время наша критика трубила о застое в поэзии. Это абсолютно неверно. Я знаю мнение зарубежных поэтов, говорящих на русском, и наших переводчиков, блестяще разбирающихся в мировой поэзии. Они в один голос говорят, что у нас самая сильная поэзия в Европе и трудно кому-либо сравниться с русской поэзией. А то, что нас поливают критики, — это неправильно. Сам я придерживаюсь «центристской» поэзии: не люблю ни крайне «правых», ни крайне «левых». Поэтому мне интересны и модернистские влияния, и традиционная поэзия. А из молодых, на кого хотелось бы, чтобы обратили внимание, я называю только Дмитрия.

Пусть в ногах
стресс
и зубы
выпали —
решения XXVII съезда КПСС
выполним!
(Из стихов графомана)

гамбургский СЧЕТ

— 21 — • 45-я параллель • 8 (17) • 91

минаю о том времени. Например, Постановление о журналах «Ленинград» и «Звезда», 1946 год. Я поднял все, что есть у меня в памяти, порылся в архивах. И потом: я сам видел, кто как себя вел в то время. Надо это восстановить для истории, зафиксировать. Вот «Литературка» того времени — это же ужас! Как там копали под несчастного Платонова! «Клеветнический рассказ Платонова» — целая полоса так называлась. Бах — и Платонова насмерть отлучили от литературы. Статья Веры Инбер о Мартынове «Бегство от современности». Бах — и Мартынова десять лет не печатают...

Есть там у меня новелла о Науме Коржавине. Удивительная судьба у этого человека. Он еще в 44—45 годах выступал со сцены и читал стихи, в которых критиковал товарища Сталина:

Жил и живет в Кремле человек,
Не понимавший Пастернака...

Это сейчас все в героях ходят, могут кого угодно критиковать. А в то время? Наум действительно герой, хотя и говорил мне: «Коль, да я и сам не понимал, что они могли со мной сделать».

— В потоке поэзии, который ежедневно обрушивается на ваш стол, наверняка есть стихи графоманов...

— Они веселят. Мы даже решили создать уголок графомана и отбирать туда самое-самое дубовое. Как это страшно, когда человек не понимает, что он пишет. Даже любовную лирику. Однажды ответил одному такому горе-поэту, предложил опубликовать его стихи в отделе юмора. Так что тут было! Обычно графоман смешон и бездарен. И этот не исключение. Вот его стихи, посвященные любимой женщине. «Вкусна» называются:

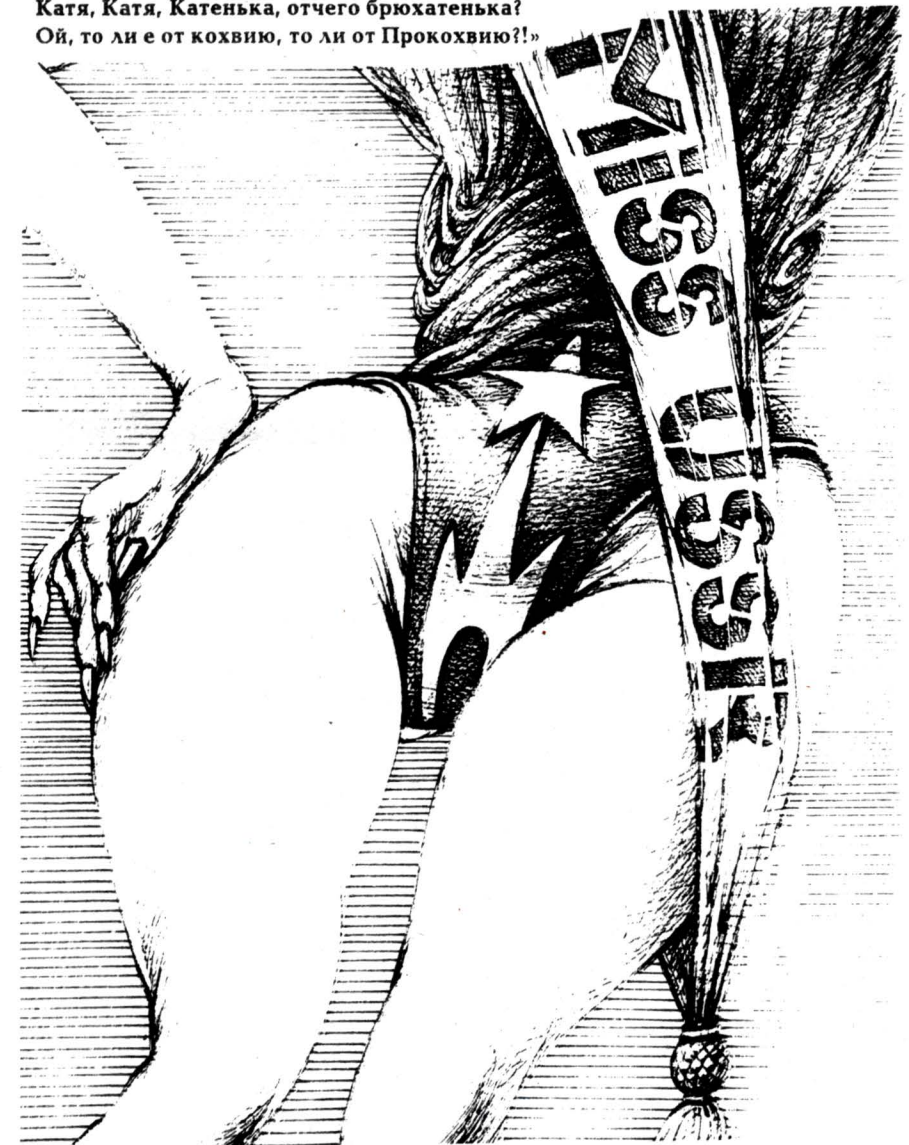
Мне улыбка тянет губы. Как прилипла, не сошла,
Потому что моя Люба в с я из отпуска пришла.
Гениально! Не правда ли? И дальше:
Предъявила свои части, ничего не утаив.
И стоит, сияя счастьем: вот они — все твои!

Все в таком духе. Самое страшное, что человек, написавший такое, не понимает, что он написал. Вот еще один перл:

Тараканы глаз твоих — так по мне и шарят.
Может, мне влюбиться в них — ласкою одарят.

Что тут сказать? Сцена из «Ревизора». А вот частушка, тоже от графомана, с которой приключилась интересная история. Он написал: «Если не хотите моих стихов, то возьмите частушку»:

Катя кохвий попивала и с Прокохвием гуляла.
Катя, Катя, Катенька, отчего брюхатенька?
Ой, то ли е от кохвию, то ли от Прокохвию?!

Виктор Астафьев собирает смешные стихи и частушки. И вот я как-то ему раз и прочел ее, а он возьми — да и процитируй ее в своих «Затесях». А потом в Англии вышел словарь русских бранных слов, не входящих в обычные словари. В словаре, конечно, есть комментарии, а за ними — литературные примеры. Приезжает из Англии Лариса Васильева и привозит этот очень толстый словарь. Я его начинаю листать. Натякаюсь на слово «брюхатая». Объяснение — беременная женщина. Пример — «Затеси» Астафьева и эта самая частушка. Видите? Пришла из Брянской области, я ее дал Вите Астафьеву, он ее вставил в свои «Затеси». Дальше частушка попадает в Англию, и потом уже (в словаре) возвращается в Россию. Такая история...

Фото Сергея СОСЕДОВА.

СТИХИ

— Что ж, каждый поэт находит своего читателя?

— Конечно! Есть поэты, которых читают все: от академика до дворника. Однажды я провел такой опыт. Возвращаясь ночью с одного банкета, опросил 17 ленинградских дворников о Есенине. Вот сидят три старые дворничихи на лавочке, я подхожу к ним и говорю: «Вы знаете такого поэта Есенина?» — «Нет», — отвечают. Тогда я: «Ты жива еще, моя старушка...» И они хором: «Жив и я, привет тебе, привет...» Оказывается, что они знают по десятку стихов Есенина. Пока я дошел до гостиницы, мне встречались молодые дворники, старые, мужчины, женщины. Так вот, все семнадцать знают его стихи и только трое не могли назвать фамилию Есенина.

— Николай Константинович, а что у вас на письменном столе?

— Я года два почти не пишу стихов, работаю над книжкой «Память минувших лет». Дело в том, что я, как уже говорил, был знаком со всеми известными поэтами послевоенной поры, пожалуй, кроме Пастернака. Близко знал Мартынова, Кедрина, Заболоцкого, Смелякова. Со Смеляковым мы были соседями, вместе ездили на рыбалку. Случалось, и подавали. Вот как он иногда шутил. Вечером мы с ним вмажем, а утром — звонок в дверь. Открываю — никого. Потом раз — и перед дверью в трусах возникает Смеляков. «Коля, ты чего?» — «Как чего?» — не понимаю. А он: «Уж семь часов, а мы еще не опохмелялись.»

— Вы и Яшина знали?

— Александра Яковлевича? Конечно! С 44-го года, с войны. Олешу знал. С Катаевым семь лет в «Юности» проработал. Есть что вспомнить.

Книга выходит в «Современнике», есть уже верстка. * И вот я так увлекся своими воспоминаниями, что все ее дописываю и еще 150 страниц написал. Ведь я вспо-

Дождались прецедента: Боря с Мишей президенты! Вот бы нам товар еще от господ-товарищов!

(Разыскания «45» в коллекцию Николая Старшинова).

* Николай Старшинов передал «45» главы из этой книги. Четыре новеллы опубликованы в «Круге чтения» № 15 за 1991 год.

ЕЙ-БОГУ, В ЕГО ФАМИЛИИ ЗОЛОТО ТАК И СЛЫШИТСЯ...

Сразу — быка за рога! Чуть ли не все призы Златковского так или иначе с золотом связаны. Миша — Кавалер Золотой медали Министерства культуры Турции, обладатель «Золотого Эзопа» в Габрово, в Бельгии примерил — и впору пришлась! — «Золотую шляпу». «Гранд при» отхватил в Монреале, после чего был удостоен титула «Лучший карикатурист года в мире». Но все его титулы и награды я, как ни стараюсь, назвать не смогу, ибо одно их перечисление заняло бы не меньше четверти этой газетной полосы. Куда же карикатуры помещать, присланные Михаилом Златковским по моей просьбе специально для «45»?

Да, видно, так самой судьбой предначертано: не случайно мне в его фамилии золото так и слышится. Кстати, у Михаила не только карикатуры по звездному разряду получаются. Недавно он попробовал свои силы в скульптуре. И что же? Итальянцы-спецы, увидев работы Златковского, чуть ли не хором начали умолять его: «Мастро! Позвольте отлить ваши статуэтки в золото. Мы вас убедительно просим. Это — высший класс! Вот и не верь после таких заявок в провидение, в приметы — особые...

Златковский — значит, ей-Богу, золотой. Ни перехвалить, ни сглазить его, между прочим, не боюсь, поскольку знаю: хвала Михаила никогда не вводила (и теперь, на пятом десятке, наверняка не введет!) в искушение, ну а хула... Сколько ее было. Она только вызолачивала — звончее делала! — его рисунки.

Он не пишет текстовок к карикатурам. Каждый видит в них свое. В них есть и второй

пласт. И третий. Как в песнях Владимира Высоцкого, с которым Михаил по-настоящему дружил и о котором написал уникальные, ни на чьи не похожие воспоминания...

...Лет пять-шесть назад, уже напечатав энное количество карикатур в центральных газетах и журналах, я получил под Новый год поздравительную открытку от Михаила Златковского. Что было совершенно неожиданно для меня, знавшего этого мастера лишь по публикациям. Именно он позже изменил мой взгляд на карикатуру.

В то время в стране стали стихийно появляться выставки карикатуры, благодаря энтузиазму художников и тех, кто их поддерживал. Выставки проходили с риском, организовывались с трудом, так как вывешивались «намеки» довольно прозрачные.

И только работы Златковского били в цель без экивоков, вызывая восхищенно-напуганные вздохи: «Посадят...»

Он, начиная с 70-х, работал честно, преодолевая одним из первых в стране знакомый многим из нас страх: «А вдруг?!» Его, в его отсутствие, разбирали на пленумах Союза журналистов, в его присутствии пытались это сделать в «Крокодиле». (Увы, «Крокодил» и сейчас недостаточно свободен в своих поступках и мнениях. Смел до планки).

Глупо надеяться изменить Златковского.

Владимир Ненашев.
Кавалер «Золотой шляпы» и др.

Ставрополь—Брюссель—Монреаль—далее везде.

Судьба Ницше еще более странна, чем судьба других новаторов в царстве мысли и слова; при жизни его не признавали, имя его как ученого долгое время не пользовалось популярностью, и лишь недавно засияла звезда немецкого философа и загорелась таким ярким блеском, что привлекла к себе внимание всего образованного мира.

Ницшеанство вошло в моду: чтобы приобрести патент ученого человека, надо быть поклонником учения Заратустры. Поклонение Ницше носит нередко поверхностный характер: многие из его ярких сторонников не уяснили себе сущности его учения, чего, отчасти, нельзя поставить им в вину: учение Ницше не представляет собою законченного, гармоничного целого; его философия не поддается систематизации, сам автор нередко уклонялся в сторону от своих прежних идей и принципов, но все же в нем бездна мудрости, идейного богатства, большой запас душевных переживаний. Многие из последователей Ницше усвоили его слова, извратив внутренний их смысл; аморализм Ницше у них выродился в проповедь безнравственности.

Красной нитью через все учение Ницше проходит индивидуалистическое начало, положенное им в основу мирозерцания. Индивидуализм — не есть понятие новое; мы все еще живем крохами с обильного стола XVIII века.

Существует два вида индивидуализма: индивидуализм просветительский и романтический. Родоначальником просветительского индивидуализма, по справедливости, можно назвать Руссо: в XVIII веке впервые зародилась мысль о значении человеческой личности, как таковой, о священных правах ее, зиждящихся на тех идеях добра, правды и красоты, которые приближают ее к Божеству. Каждая человеческая личность несет в себе это Божественное начало — отсюда понятие о равенстве, так сказать, равноценности людей, отсюда же вытекает обязательство уважения к личности, как носителнице священной идеи.

Но вот роковое сцепление обстоятельств: верховные права присвоены лишь абстрактной коллективной личности, отдельная же, конкретная единица, как песчинка в море, должна потонуть в массе таких же единиц, и имеет ничтожное значение атома, из которых складывается великий организм — род человеческий.

Это начало выразилось в учении Канта, который выставил 2 основных догмата: 1) человек обязан уважать каждого человека, 2) повиноваться общему закону. Этот «общий закон» поставлен Кантом выше всего; преступник за его нарушения должен быть наказан во что бы то ни стало, хотя бы от его проступка общество не пострадало, но во имя высшей справедливости, во славу абстрактной человеческой личности, священные права которой попорчены. Эти идеи проводил в жизнь Конвент во времена французской революции, казнивший сотни и тысячи людей во славу абстрактной личности. Во время, когда абстрактная человеческая личность так жестоко попиралась этими жрецами учения о величии человеческой души, в Париже жил пылкий юноша, который выступил на защиту поруганных прав этой маленькой личности, загнанной в тюрьмы и казематы. Это был Гумбольдт.

В своем сочинении «О границах деятельности государственной власти» он проводит ту мысль, что люди не только не одинаковы, но, наоборот, психологическая природа их отличается большим разнообразием, а отсюда вытекают права каждой отдельной человеческой личности на самостоятельное развитие, свободное самоопределение.

Цель личности заключается в осуществлении своего собственного призвания. Первую оценку это учение нашло в лице Мидля, поставившего эпитафией к своему труду слова Гумбольдта, в которых он идеалом общес-

Орфоэпия

«Запретный плод сладок». Современный читатель только-только начинает знакомиться с наследием Ницше, изучать его по первоисточникам, а не по «Краткому курсу ВКП/б/». Меж тем, как выясняется, о Ницше сравнительно мало знали в России и в самом начале века. Вот почему сегодня интересно, думается, прочесть статью, посвященную этому крупному философу, которая написана — страшно сказать! — аж в 1906–1907 годах.

тва выдвигает стремление к развитию своеобразности. Отсюда берет начало реакция против французской революции, реакция не политическая, а культурная, аморализм явился противником рационализма, зародилось новое учение, выдвинувшее на первый план человеческую личность — романтический индивидуализм: В Германии возникла целая школа последователей этого учения (Шлейермахер), но идея верховных прав личности нашла самое яркое выражение в творениях Ницше. В наше время вновь возродился романтический индивидуализм: идея прав каждого человека на свободное развитие его личности получила самое широкое распространение. Во главе учения стоит Ницше; он первый заговорил об отсутствии равноценности людей, выдвинул соображение «о пафосе расстояния», понимая под этим разнообразную ценность человеческой личности, в зависимости от ее внутреннего содержания, своеобразного богатства души. Отсюда у каждого своя нравственная идея добра, свое мерило моральности поступков; не надо давать имени своей добродетели, определять путь, по которому человеку надлежит идти для достижения идеала.

Идею нивелировки Ницше противопоставил идею самоценности каждой личности. Отсюда его учение «по ту сторону добра и зла», которым так часто злоупотребляют его последователи.

Личность у Ницше поставлена во главу мироздания, обязанности к самому себе отнюдь не должны быть принесены в жертву долгу, обязанностям к ближним, самопожертвование заслуживает порицания. Мораль сострадания — мораль деспотизма, она жестока, ибо угнетает человеческую личность. Ницше учит, что настало время человеку из верблюда, нагруженного тяжестью долга и обязанностей, превратиться в льва и победить чудовище «ты должен».

Против суда над человечеством восстает его мораль, она клеймит судей не юридических, а моральных, которые произносят суровые обвинительные приговоры над личностью, преступившей их условный закон.

Он требует от них гуманного отношения к личности, проповедует всепрощение.

Преследования личности во имя

будущего, морали, долга — истязание личности; угрызания совести — самоистязание; это паук, высасывающий кровь из людей.

Идея человечности — основная идея Ницше; идея морали должна быть свергнута для торжества личности конкретной.

Вторым основным мотивом учения Ницше является идея предпочтения мира внешнего — миру внутреннему; центром тяжести человеческого существования он ставит не внешние события, а внутренние переживания человека; вне шума житейского, а в тиши нарождаются величайшие идеи.

Наконец, третье основное положение: Ницше является противником механизации; он утверждает, что творчество совершается исключительно внутренними процессами.

В различных комбинациях мы встречаем те же идеи в творениях Достоевского, Ибсена, Метерлинка и Оскара Уайльда.

Таким образом устанавливается связь Ницше с новейшей литературой. Остановимся на Достоевском.

Теми противоречиями, которыми переполнены его творения, теми крайностями мышления, которые ему свойственны, он напоминает Ницше; и наряду с этим в нем мы видим ту же глубину мысли и богатство душевных переживаний; он выставил идею Бога-человека. Выше всего он ставит свое собственное хотение, а не благоразумное хотение; самостоятельность личности, индивидуализация — для него дороже всего.

Основная проблема Ибсена — освобождение личности, которую он противопоставляет обществу.

Истина — удел немногих; познается она в тишине; истина, разделяемая многими, перестает быть таковою (доктор Штокман); сильнее всего одинокие (Пер Гюнт); толпе противопоставляется титаническая человеческая личность (Брандт).

У Метерлинка — проблема личности — интимные, сокровенные ее переживания. В этих полутонах его главная привлекательность; в этом же связь его с Чеховым...

Он вернул человеку утраченную им религиозность через мистику; метафизические идеи сделали ему доступны, как субъективные внутренние переживания. На грех Метерлинка смотрит, как на страдание, требующее

Статья представляет собою реферат лекции прив.-доц. Франка о Ницше, прочитанной в Соляном Городке /СПБ/ 18 декабря 1906 года. Печатается /с небольшими сокращениями/ по изданию «Вестник знания». Ежемесячный иллюстрированный популярно-научный журнал с приложениями для самообразования. Редактор-издатель В.В. Битнер. С.-Петербург, 1907, № 1.

РАРИТЕТЫ

сострадания; на грешника — как на святого (Сестра Беатриса). Эта христианская мораль в утонченной форме — главная сущность метерлинковского творчества.

Оскар Уайльд являл собой тип блазированного денди; он относился отрицательно к существующей морали, но своей собственной, положительной не создавал, пока, волею судьбы низвергнутый с высот славы и заключенный в каторжную тюрьму, не переродился нравственно, очистившись путем жестоких страданий; он выдвинул в своем учении на первый план человеческую личность, запретил ей жить для других.

В глазах Уайльда Христос — провозвестник романтического индивидуализма. В Евангелии заложена идея борьбы против морального закона; личность — прежде всего и выше всего: повелев богатому юноше раздать нищим свое имение, Христос желал, прежде всего, избавить его от вредного влияния богатства, добивался его пользы, а не блага нищих.

Основная идея новохристианства: каждая человеческая личность не повторяется — в этом ее драгоценное значение.

Христос видел в грехе и страдании — ступень к совершенству, грешник для него дороже праведника, он не ищет обращения мытаря в фарисея. Таким образом Уайльд характеризует тот же аморализм, который составляет сущность учения Ницше.

Последователи — ученики Ницше — в своем усердии довели его доктрины до уродливой утрировки; его аморализм выродился в бунт личности, которая ведет себя, как бунтующий раб.

Но сам Ницше сумел избавиться от крайностей и возвысился, путем внутреннего процесса, до высшего понимания задач мироздания; проклятие, по его учению, ниже благословения, личность должна найти точку примирения с миром, и такая гармония — конечная цель человечества.

Тут устанавливается связь Ницше с Гете. У великого поэта мы находим тот же аморализм, ту же идею сверх-человека, но, наряду с тем, в творениях великого старца царит ненарушимая светлая гармония: он любит и благоволяет весь мир.

У него это свойство проистекает из необычайно цельной гармоничной натуры; то, что Ницше стоило труда, тяжелой внутренней борьбы, — ему удалось само собой, без усилия воли.

Переживаемый нами переворот, выразившийся в переоценке всех ценностей, всколыхнувший все ценное общество сверху донизу, имеет не только этическое, но глубоко практическое значение. Мы, русские, всегда жили под властью сурового императива, и лишь теперь личность начинает заявлять свои права и освобождаться от гнета аскетической морали. Чувство долга, обязанности отступает на задний план, уступая главенствующее значение правам личности.

И прежде раздавались голоса в пользу переоценки тех ценностей, которыми мы жили. Здесь на первом плане — Толстой. Но настаивая на совершенствовании личности, на необходимости поднятия нравственного и умственного уровня, он не признавал значения более совершенных форм правления и общественных учреждений. В этом его заблуждение; он упустил из виду внутреннюю связь между этими двумя понятиями, неразрывно между собою связанными: без поднятия культуры, совершенствования личности — нет совершенных учреждений и обратно. Отсюда вытекает, что дело личного совершенствования — не праздное дело, ибо общественное совершенствование неразрывно связано с личным. Таково значение индивидуалистического мировоззрения.

Следующими словами лектор закончил свое чтение: поклонение Дюнису сближает учение Ницше с учением орфиков; подобно певцу Алфею (представителю этой школы), Ницше верит в переселение душ из одного тела в другое, смерть не дает спасения от бедствий. Вечен круговорот страданий — и сама смерть бессильна освободить страдающее человечество; залог освобождения в нем самом, в самосовершенствовании личности.

Р. ЯНТАРЕВА-ВИЛЕНКИНА.

Продолжая кулинарное путешествие по кухням народов 45-й параллели, мы не смогли не сделать небольшой крюк в Грузию...

Рубрику ведет ставропольский врач и кулинар Евгений ШИПОВ.

ОВОЩИ В ОРЕХОВОМ СОУСЕ

Лук-порей – 700 г, шпинат – 800, капуста белокочанная – 600, свекольная ботва – 700 (или свекла – 400), фасоль стручковая консервированная – 500, спаржа – 500, цветная капуста – 600, баклажаны свежие – 500 или маринованные – 600.

Для соуса: орехи грецкие – 100 г, луковичка, уксус трехпроцентный – ст. ложка, чеснок, зелень петрушки, кинзы, перец красный молотый, хмели-сунели.

Подготовленные овощи отварить. Свеклу очистить от кожуры, а шпинат или свекольную ботву припустить, затем откинуть на дуршлаг и отжать, баклажаны выдержать под прессом. После отжатия овощи измельчить или нарезать мелкими ломтиками и заправить ореховым соусом.

Для приготовления соуса орехи пропустить через мясорубку, добавить толченый чеснок, перец красный молотый, хмели-сунели, рубленую зелень, соль, уксус и все перемешать. Украсить зеленью и зернами граната.

СУЛУГУНИ ЖАРЕННЫЙ

Сулугуни – 800 г, мука пшеничная – ст. ложка, масло топленое – две-три ст. ложки, зелень петрушки.

Сыр (молодой или слабосоленый) нарезать ломтиками толщиной 1–1,5 см, запанировать в муке и обжарить на раскаленной сковороде с обеих сторон до образования румяной корочки. Перед

подачей украсить зеленью и подать в горячем виде.

АДЖАБ-САНДАЛИ

Баклажаны свежие – 500 г, картофель – 300, помидоры свежие – 150, две луковички, зелень, чеснок, масло растительное – две ст. ложки, перец черный, перец красный, соль по вкусу.

Шинкованный лук пассеровать на масле, добавить очищенные от кожицы, мелко нарезанные баклажаны, картофель, помидоры, рубленую зелень, чеснок, заправить перцем, солью и тушить до готовности на медленном огне. Из приготовленной массы сформировать котлеты и посыпать зеленью.

ЦЫПЛЯТА ТАБАКА

Цыплята – 4 шт., масло сливочное – три ст. ложки, сметана – ст. ложка, соус ткемали – 1 стакан, соль по вкусу.

Цыпленка выпотрошить, разрезать грудку вдоль, затем придать ему приплюснутую форму, посыпать солью, смазать сметаной и обжарить с обеих сторон на раскаленной сковороде с жиром под прессом или в «кежи» (глиняной сковороде). Соус ткемалевый подать отдельно. Вместо соуса ткемали можно подать толченый чеснок, разведенный холодной кипяченой водой.

ЧАХОХБИЛИ

Курица – 1 кг 200 г, маргарин – 4 ст. ложки, лук репчатый – 600 г, помидоры свежие – 300 г, мука – ч. ложка,

бульон или вода – стакан, уксус – 3 ст. ложки, чеснок – зубчик, зелень кинзы и базилика, соль по вкусу.

Курицу нарезать на куски, обжарить, добавить нарезанный кольцами пассерованный репчатый лук, мелко нарезанные помидоры, сухую мучную пассеровку, бульон, уксус, зелень кинзы и базилика, чеснок, перец, соль и тушить до готовности. Подать с соусом, в котором тушилась курица.

КУПАТЫ

Свинина (котлетное мясо) – 500 г, луковичка, чеснок – три зубчика, зерна граната – 40 г, хмели-сунели, корица, гвоздика, соль по вкусу, сало топленое – 2 ч. ложки, кишки свиные, 2 луковички для украшения, зелень петрушки, соус ткемали – полстакана.

Свинину пропустить через мясорубку, добавить мелко нарубленный лук, корицу, гвоздику, гранат и перец. Этим фаршем начинить кишки, концы которых завязать ниткой, придать им форму подковы и жарить на сковороде с добавлением жира. Купаты можно жарить и над углями, в этом случае без жира. На гарнир подать нарезанный кольцами репчатый лук, оформить веточками зелени. Соус ткемалевый подать отдельно.

ФИЛЕ НА ВЕРТЕЛЕ

Говядина (вырезка) – 1 кг 200 г, масло сливочное – ст. ложка, зелень петрушки, черный перец, соус ткемалевый – стакан.

Вырезку очистить от пленок, надеть целиком на вертел, посыпать солью и перцем, жарить над углями, периодически обрызгивая растопленным сливочным маслом. При подаче филе нарезать поперек волокон по 4–5 кусочков на порцию. Оформить веточкой зелени петрушки. Соус ткемалевый подать отдельно.

САЦИВИ ИЗ ПТИЦЫ

Курица – 1 кг 200 г или индейка – 1 кг 300 г.

Для соуса: орехи грецкие – 300 г, масло сливочное – две ст. ложки, две-три луковички, мука пшеничная – ч. ложка, два яйца (желтки), чеснок, уксус – 3 ст. ложки, гвоздика, корица, перец красный молотый, шафран, сушеная зелень, соль по вкусу, бульон куриный – два стакана.

Подготовленную тушку отварить до полуготовности, обжарить и нарубить на порционные куски. Мелкорубленный лук пассеровать на масле, добавить муку и развести бульоном.

Орехи пропустить через мясорубку, добавить толченый чеснок, соль, шафран, перец, корицу, гвоздику, залить небольшим количеством бульона и ввести эту массу в кипящий бульон с луком. Затем протереть через частое сито, добавить прокипяченный уксус, уцхо-сунели (сушеную зелень для сациви) и варить в течение 5 минут.

Яичные желтки растереть с небольшим количеством соуса сациви, охлажденного до 50 градусов, затем постепенно ввести их в горячий соус, непрерывно перемешивая. Порционные куски курицы или индейки положить в глубокую тарелку, залить горячим соусом сациви и охладить. Подать вместе с соусом в холодном виде.

БАСТУРМА

Говядина (вырезка, толстый и тонкий край, верхняя и внутренняя часть задней ноги) – 1 кг 200 г.

Для маринада: лук репчатый – 3 луковички, лавровый лист, черный перец, передушистый, соль по вкусу, уксус – 8 ст. ложек. Соус ткемалевый – стакан. Для оформления: лук репчатый – 4 луковички, зелень петрушки, лимон – четвертушка.

Говядину нарезать кусочками весом 20–30 г, добавить нашинкованный лук, соль, черный и душистый перец, уксус и лавровый лист и поставить на 24 часа на холод в эмалированной или фаянсовой посуде. Затем мясо нанизать на вертел и жарить над углями или в электропашльчатой печи. При подаче на стол украсить нашинкованным луком, зеленью петрушки и лимоном.

Соус ткемалевый подавать отдельно.

ЦВАНИ ЛОБИО

Фасоль зеленая стручковая – 800 г, грецкие орехи – 100, уксус, перец, соль, зелень.

Перебрать и промыть нарезанные соломкой стручки фасоли, припустить в подсоленной воде, переложить в салатницу, добавить перец, протертые орехи, уксус, мелко нарезанную зелень, соль по вкусу. Все тщательно перемешать.

Твоим потокам,
седым потокам,
твоим
насуленным
ледникам,
предкам твоим
и твоим
потомкам,
их песням,
танцам
и смуглым
рукам –
мравалжамиер,
многие лета!
Твоим героям,
делаем их
ратным,
их вечной
памяти на
земле,
твоим языкам
и наречиям
разным,
лету,
осени,
весне
и зиме –
мравалжамиер,
многие лета!
Анна
КАЛАНДАДЗЕ,
перевод Беллы
АХМАДУЛИНОЙ.

Лишь ветер подует в дубраве
И снегом потянет с вершин,
В бокале блеснет саперави,
В столовой зажжется камин.
И явится столлик нежданно,
И гости покажутся вдруг.
Кувшинчики, словно фазаны,
Пред ними усядутся в круг.
Сначала их робкие взоры
Бегут к потолку, но потом
Мечты их несутся в просторы,
Весельем дыша и вином.
Несутся в окно, в палисадник,
Над полем летят в тишине,
Где дремлет в снегу виноградник
И ласточек видят во сне.

Григол АБАШИДЗЕ,
перевод Николая ЗАБОЛОЦКОГО.

Рис. Евгения Фитьмова.

РЕПОРТЕРА

23 — 45-я параллель • 8 (17) • 91

СОЛЯНКА ПО-ГРУЗИНСКИ

Говядина (толстый, тонкий край, верхняя, внутренняя часть задней ноги) – 500 г, маргарин – 4 ст. ложки, 4 луковички, огурцы соленые – 300 г, томат-пюре – 2/3 стакана, мука – 2 ч. ложки, бульон или вода – 2,5 стакана, уксус – 1 ст. ложка, чеснок, зелень петрушки и кинзы, перец черный.

Говядину нарезать мелкими кусочками, обжарить вместе с луком, добавить томат-пюре, пассерованную на жире муку, чеснок, очищенные от кожицы и семян и нарезанные ромбиками соленые огурцы, соль, перец, уксус, бульон и тушить до готовности. При подаче посыпать зеленью.

ХАЧАПУРИ ИМЕРЕТИНСКИЕ

Мука – 3 стакана, в том числе на подпыл – 2 ч. ложки, вода – 2/3 стакана, сахар – ст. ложка, дрожжи прессованные – 16 г.

Для фарша: сыр имеретинский – 600 г, масло сливочное – 2 ч. ложки, яйцо – 2 шт., жир для смазки листа, масло сливочное для смазки готовых хачапури.

Приготовленное опарное тесто раскатать в круглую лепешку, на середину положить фарш из сыра с маслом и яйцом, края теста загибать, придав хачапури круглую форму. Уложить на смазанный жиром лист, затем смазать яйцо и выпекать. Готовое хачапури смазать сливочным маслом.

ГОМИ

Мука кукурузная – стакан, крупа кукурузная – 2 стакана, вода – 6 стаканов.

Кукурузную крупу хорошо промыть в теплой воде, залить теплой водой и варить, периодически помешивая, затем добавить кукурузную муку и варить до получения вязкой однородной массы, которую довести до готовности. Остудить

и нарезать ломтиками. Готовое гоми разложить на мелкие тарелки и подать вместо хлеба к харчо, сациви и фасоли.

ХИНКАЛИ

Мука пшеничная – 2 стакана, в том числе на подпыл – 2 ч. ложки, соль – 1/2 ч. ложки, вода – полстакана.

Для фарша: баранина (котлетное мясо) – 300 г, свинина (котлетное мясо) – 140, говядина (котлетное мясо) – 160 г, лук репчатый – 1 шт., соль – 1/2 ч. ложки, перец черный, зелень петрушки, вода для фарша – 5 ст. ложек.

Замесить крутое тесто, раскатать в лепешки диаметром 10 см и толщиной 2 мм. Для фарша мясо пропустить через мясорубку, заправить рубленым луком и зеленью петрушки, перцем, солью, добавить воду. Фарш завернуть в лепешки, придав им грушевидную форму. Варить при слабом кипении 12–15 минут. Подать горячими.

ХАРЧО

Грудинка говяжья или баранья – 500 г, рис – 3/4 стакана, луковичка, томатное пюре – ст. ложка, 2 помидора, 3–4 зубочка чеснока, зелень, перец, соль по вкусу.

Грудинку нарубить кусками (по 3–4 куска на порцию), залить холодной водой, поставить на сильный огонь, довести до кипения, снять пену и уменьшить огонь. Варить 30–40 минут, затем добавить рис, мелко нарезанный репчатый лук, слегка обжаренный вместе с томат-пюре или свежими помидорами, красный стручковый перец, соль. Перед подачей на стол заправить толченым чесноком, мелко нарезанной зеленью (кинза, сельдерей, петрушка) и дать прокипеть.

ЧИХИРТМА ИЗ КУРИЦЫ

Курица – 500–700 г, мука – 2 ч. лож-

ки, одна-две луковички, 3 желтка, шафран, зелень кинзы, черный перец, соль по вкусу.

В процеженный куриный бульон положить пассерованный мелко нашинкованный репчатый лук и белый соус. Соус готовят из муки, пассерованной с жиром, разбавляя небольшим количеством бульона. Затем добавить черный перец, дать вскипеть и снять с огня. Яичный желток взбить, добавить рубленую зелень, прокипяченный уксус, шафран и постепенно ввести эту массу в горячий бульон при непрерывном помешивании. Для того чтобы желток не свернулся, заправленный суп не доводить до кипения.

При подаче на стол в тарелку положить 2–3 куска отварной курицы, залить их супом и посыпать зеленью.

ЛОБИО

Фасоль красная – 250 г, лук репчатый – 3–4 луковички, масло растительное – 2 ст. ложки, грецкие орехи – 80 г, зелень петрушки, кинзы, уксус, соль, перец по вкусу.

Предварительно замоченную фасоль отварить, процедить, заправить пассерованным репчатым луком, протертыми орехами, уксусом, мелко рубленой зеленью, перцем и солью по вкусу.

ЦЫПЛЯТА ПО-ШКМЕРСКИ

Цыплята полупотрошенные – 1 кг 300 г, сметана (для смазки цыплят) – ст. ложка, масло сливочное (для жа-

Переведа дух после пиров в Японии, Китае, Монголии, Казахстане, Средней Азии, Калмыкии, в Дагестане и Закавказье, вскоре мы рассчитываем на гостеприимное Ставрополье.

Что касается конкурса ЧеПе («Чем питались герои любимых романов»), итоги первого тура, а, возможно, и всего конкурса подведем в следующем выпуске.

ПОДАРОК ПОСРЕДНИКУ И БРОКЕРУ

КУПИМ ЗАВОД ПО ПЕРЕРАБОТКЕ ПОДСОЛНЕЧНИКА
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ 200—300 КИЛОГРАММОВ
МАСЛА В СМЕНУ.

А ТАКЖЕ

УСЛУГИ ОРГАНИЗАЦИИ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ АСФАЛЬТИРОВАННЫХ ДОРОГ.

Готовы заключить договор сроком на пять лет на сооружение от полутора до двух километров асфальтированных дорог ежегодно, проектно-сметная документация имеется.

КРОМЕ ВСЕГО ЭТОГО,

ПРИБРЕТЕМ ЛИНИЮ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ КРУПЯНЫХ КУЛЬТУР ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ДО 500 КИЛОГРАММОВ В СМЕНУ!

РАСЧЕТЫ, ЗАМЕТЬТЕ, МОГУТ ВЕСТИСЬ

И **М** В СКВ.

ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ МОЖЕМ ПОМОЧЬ В ПРИОБРЕТЕНИИ ЗЕРНА, МУКИ, РАСТИТЕЛЬНОГО МАСЛА И Т. П. СОГЛАСНО ДОГОВОРЕННОСТИ

НАШ АДРЕС: 356402, Ставропольский край, Благодарненский район, село Спасское, колхоз «Россия». Контактные телефоны 2-22-09, 2-43-72.

СПРАВКА «45»: колхоз «Россия» Благодарненского района Ставропольского края — это:

- 16,5 тысячи гектаров пашни;
- ежегодный валовой сбор зерновых (в основном озимая пшеница ценных и твердых сортов) — более 22 тысяч тонн;
- более 1300 тонн молока в год, свыше 600 тонн мяса, не менее 60 тонн шерсти в мытом волокне;
- каждые 12 месяцев более 10 миллионов рублей дохода, чистая прибыль — около трех;
- центральная усадьба — в селе Спасском, которому свыше 200 лет, расположено на реке Сухая Буйвола;
- население центральной усадьбы — более двух тысяч человек, из них 600 пенсионеров, в хозяйстве же занято 770 человек;
- в Спасском имеются газо- и водопровод, Дом культуры, своя пекарня. Действует церковь.

В будущем 1992 году мы вынуждены сказать «Прости!» подписчику-индивидуалу. Это — первое «Прости!», но — не последнее. Объединившись, вы сможете по-прежнему получать наши издания по почте, порядок распределения организовав самостоятельно. Причем условия коллективной подписки для вас окажутся еще более льготными.

ПОДПИСЧИКИ

Сказав «Прости!» индивидуальному подписчику, мы говорим «Здравствуй!» подписчику коллективному. Начиная с января 1992-го мы готовы высылать как наложенным платежом, так и по корешку квитанции о подписке ежемесячные комплекты изданий «45» в количестве НЕ МЕНЕЕ 100 и НЕ БОЛЕЕ 500 экз.

ВСЕХ СТРАН,

При этом «45» предоставляет коллективному подписчику торговую скидку в размере 25 процентов от стоимости ежемесячного комплекта своих изданий, включая расходы по пересылке. Такого рода взаимоотношения обойдутся вам на четверть дешевле, чем сейчас. Прикиньте: стоимость сотни комплектов — 300 рублей, а вы получите их всего за 225!

СОЕДИНЯЙ-

Объединившись, мы с вами сможем хотя бы отчасти противостоять инфляции в эпоху, когда сдачу с рубля начинают давать «президентами». Наиболее радикальных из читателей просим простить за парафраз в заголовке. Одновременно сообщаем, что некоторые подписчики России, Казахстана, США, Израиля, а недавно — и Франции уже в этом году сделали то, к чему мы приглашаем вас в будущем. Подписчиков, которые пожелают подписаться на издание «45» на названных выше условиях уже в этом году, — милости просим. Итак, соединяй-

ТЕСЬ!

ТЕЛЕИГРА

«ЧЕРТОВА ДЮЖИНА»

ТИРАЖ 13 СЕНТЯБРЯ	1	2	3	4
	12	13	5	
	11		6	
	10	9	8	7

Ф. И. О. _____

АДРЕС: _____

индекс _____

город (район), село _____

улица _____

дом № _____ кв. № _____

ТИРАЖ 13 СЕНТЯБРЯ	1	2	3	4
	12	13	5	
	11		6	
	10	9	8	7

Зачеркните из 13 цифр (чисел) любые пять. Укажите вашу фамилию, имя, отчество, домашний адрес. Эту часть бланка вместе с квитанцией о почтовом переводе на 7 рублей вышлите нам. Копию таблицы с зачеркнутыми цифрами (числами) оставьте себе. Угадали счастливое сочетание? Крупный выигрыш!

АДРЕС ПЕРЕВОДА: МФО 231807, Пятигорск, расчетный счет 000609837 Жилсоцбанка г. Пятигорска, Телеигра «Чертова дюжина».

А бланки с квитанциями направляйте по адресу: г. Пятигорск, ул. Мира, 1, телеигра «Чертова дюжина». Контактные телефоны 5-09-46, 5-21-85.

ПАРАЛЛЕЛЬ

На первой странице — плакат кисловодского художника Юрия БАГДАСАРОВА «СКОРЬ».

© Иллюстрированный ежемесячник «45-я параллель». Регистрационное удостоверение № 296 выдано 31.10.90 г. Министерством печати и средств массовой информации РСФСР. Издаётся с апреля 1990 г. Учредитель — Ставропольский фонд культуры. Главный редактор — Сергей СУТУЛОВ. Художественный редактор Александр МАКУШЕНКО. Адрес: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1

Реклама в «45» и «Приложении»: 4-26-67, 6-25-79, 3-70-20. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «45» обязательна. Цена в пределах Ставрополья 1 руб. Типография издательства «Ставропольская правда». Подписано в печать 12.08.91 г. Заказ 1353.